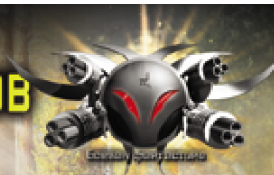

ЕРОФЕЙ ТРОФИМОВ

ЕЩЁ ОДИН
ШАНС

Ерофей Трофимов

Еще один шанс

Серия «Боевая фантастика (АСТ)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63345227

Еще один шанс: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»;

М.; 2020

ISBN 978-5-17-134134-3

Аннотация

В свои шестнадцать он прославился на всю округу как лучший следопыт. А ещё как механик-самородок, умеющий придумывать новые машины. А на самом деле в теле юного охотника оказался сорокалетний мужик из другого времени и другого мира. И вот теперь он вынужден скрывать свои знания и умения, пытаться прижиться в новом для себя теле. Ведь всё, что его теперь окружает, он знает только по книгам и фильмам. А тут и настоящие хунхузы, готовые ограбить и убить зазевавшегося путника, и ханты, живущие своим миром и охраняющие границу империи, и дворяне, которым положено кланяться, снимая шапку.

Ерофей Трофимов

Еще один шанс

© Ерофей Трофимов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Ночная трасса ложилась под колеса мотоцикла бесконечной черной лентой, навевая странные воспоминания. Пролетев очередной поворот, мотоцикл выровнялся, и ездок прибавил газу. До нужного места оставалось всего полсотни верст, а там друзья, баня и выход на долгожданную охоту. Восстановленный из руин тяжелый «Урал», урча движком, словно огромный кот, вписался в очередной поворот, и Мишка ударил по тормозам, укладывая машину на бок, чтобы избежать столкновения с непонятным светящимся овалом, повисшим посреди ночной дороги.

Мишка, будучи опытным мотоциклистом, пытался хоть как-то перенаправить свое кувыркание в сторону от непонятного препятствия, но недавний дождь превратил асфальт в подобие катка. Так что, зацепив каблуками ботинок бровку трассы, он влетел в овал головой вперед. Высекая искры, мотоцикл проскользил по асфальту до светящегося овала, а дальше – беззвучная вспышка и темнота...

В чувство его привели осторожные, ласковые касания чьих-то рук. Кое-как выжав из себя еле слышный стон, Мишка попытался открыть глаза, но мышцы отказывались подчиняться. Сделав еще пару попыток хоть как-то показать, что живой, он вдруг понял, что собственное тело отказывается ему подчиняться. Первой мыслью, после этого осознания была паника.

«Твою мать! Неужели, падая, умудрился шею себе свернуть и теперь не могу шевелиться?!» – думал он, все настойчивее пытаясь пошевелить хоть чем-то.

Спустя пару минут, судя по внутреннему таймеру, пальцы на руках вдруг обрели чувствительность и слегка отозвались на попытки сжать кулаки.

– О! Руки начали шевелиться, – услышал он негромкий мужской голос. – Это очень хорошо. Разотрите его, голубушка. И губы смочите. Наверняка пить хочет. Да не руками. Тряпочкой мягонькой, чтобы кожу не царапать. Вот так, да. И водички, водички ему. Ничего, не переживайте, любезная. Раз шевелится, значит не все так плохо.

Слушая вкрадчивый незнакомый голос, Мишка пытался понять, что происходит и почему все делается так непрофессионально. Любой байкер знает, что, катаясь на мотоцикле, рано или поздно разложишься так, что окажешься на больничной койке, и главная твоя задача – выйти из этого приключения с минимальными потерями. Так что опыт падений и оказания медицинской помощи в подобных случаях у него

был.

Но когда все те же руки осторожно приподняли ему голову и приложили к пересохшим губам кружку с водой, все мысли моментально улетучились. Буквально впитав губами несколько грамм ледяной, удивительно вкусной воды, он почувствовал, что оживает. Захлебываясь и давясь, он присосался к кружке, мечтая только об одном: лишь бы не отобрали. Словно услышав его мысли, кружку отнимать не стали, давая ему утолить жажду. То, что поили его из глиняной кружки, он понял, ощутив губами шершавую поверхность.

Откуда пришло это знание, он и сам не понял, да и неважно это было на тот момент. Напившись, точнее, выхлебав все, что дали, Мишка глубоко вздохнул и снова попытался открыть глаза. На этот раз что-то начало получаться. Веки приподнялись, позволив ему рассмотреть странный деревянный потолок, беленный известью, и смутные овалы человеческих лиц, склонившихся над кроватью.

– Вы меня слышите, юноша? Говорить можете? – послышался вопрос.

– Вроде да, – еле слышно прохрипел Мишка.

– Что? Что вы сказали? – быстро переспросил мужчина, склоняясь к его губам.

– Где я? – нашел в себе силы повысить громкость Михаил.

– Дома ты, сынок, – послышался в ответ женский голос.

– К черту подробности, город какой? – буркнул Мишка, пытаясь усмехнуться резиновыми губами.

Манера шутить даже в самых тяжелых ситуациях не раз спасала его по жизни.

– Вы не узнаете свой дом? – удивился мужчина, медленно выпрямляясь.

– Это анекдот такой, – попытался прояснить ситуацию Миша.

– Анекдот?! Расскажите? – тут же вцепился в него мужик.

– Поехал мужик в Москву, вечером напился в кабаке, утром просыпается на какой-то лавке, а рядом полиция. Он и спрашивает: «Где я?» Ему в ответ: «На Красной площади». А он им: «К черту подробности, город какой?»

– Хе-хе, интересно, не слыхал, – рассмеялся мужик мелким смехом. – А что вы еще помните?

– А-э, ничего, – растерянно протянул Мишка, вдруг сообразив, что действительно ничего не помнит. Точнее, помнит то, о чем пока говорить совсем не стоит. С чего он так решил? Да потому, что вокруг все было не так, ведь пока он заговаривал мужику зубы, зрение немного прояснилось и Мишка сумел рассмотреть помещение, в котором оказался. Это был не дом. Точнее, это был совсем не его дом.

– Что, и Глафиру Тихоновну не припоминаете? – не унимался мужик, указывая на стоящую рядом с ним женщину.

Переведя на нее взгляд, Мишка с тоской ощутил, что впервые видит эту женщину с добрым, но усталым лицом, на котором яркими пятнами выделялись пронзительные синие глаза, сейчас смотревшие на него с жалостью и болью.

– В лицо помню, а так не помню, – решил выкрутиться Мишка.

– Дожили! – послышалось откуда-то из угла. – Родную тетку не признает, оглоед. Корми его теперь запросто так.

Голос Мише категорически не понравился. Хриплый, дребезжащий, с явной ноткой истерики. Такой бывает у индивидов, склонных к алкоголизму и при этом невероятно склочных.

– Бога побойся, Трифон, – робко осадил его женщина.

– М-да, юноша. Крепко же вас приложило, – задумчиво протянул мужик, рассматривая Мишку, словно музейный экспонат.

– А что вообще случилось? – осторожно поинтересовался Мишка, решив хоть как-то прояснить для себя ситуацию.

– Это вам ваша тетушка расскажет. А мне уже пора, – ответил мужик, достав из жилетного кармана часы-луковицу и щелкая крышкой. – Значит так, любезная, – продолжил он, поворачиваясь к женщине. – Ему нужны полный покой и легкая пища. Супы, щи, каши немножко. Завтра я еще зайду.

– Так ведь, доктор, платить-то чем прикажете? – робко поинтересовалась женщина, доставая из тряпицы монеты и протягивая их мужику.

– Сделаем так. Если ран или переломов у него не обнаружится, денег я не возьму, но буду наблюдать за течением болезни. Случай уж очень необычный. Интересный. Приходилось слышать, что такая потеря памяти при контузиях силь-

ных бывает. Но это на войне. А тут случайность. Интересно. Очень интересно, – проворчал мужик и, поправив пенсне, вышел из поля зрения.

Только теперь Мишка сообразил, что доктор этот был одет почти так же, как известный писатель Чехов на своих портретах. Даже бородка и пенсне такие же. Зажмурившись, Мишка осторожно покачал головой, пытаясь отогнать панические мысли. Шея отозвалась скрипом заржавевшего шарнира, а голова на это движение откликнулась вспышкой тупой боли где-то в затылке, ближе к левому уху. Не удержавшись, Мишка еле слышно застонал.

– Что, сынок, больно? – всполошилась женщина.

– Вам плохо, молодой человек? – быстро спросил вернувшийся от дверей доктор.

– Повернулся неловко, голова, – осторожно пожаловался Мишка.

– Да, на голове у вас гуля знатная, – кивнул мужик, заметно успокоившись. – Пока не сойдет, постарайтесь резких движений не делать.

– Доктор, вы, когда к нам пойдете, захватите газет старых, если не трудно, – решившись, попросил Мишка. Ему срочно нужна была информация. Что-то тут было не так. Но что именно, он пока никак не мог понять.

– Надеемся по газетам восстановить память? Интересная мысль. Обязательно прихвачу, – закивал врач и, еще раз попрощавшись, ушел.

– Ну, и как теперь жить станем? – раздалось из угла. – Раньше он хоть что-то охотой добывал, а теперь? С голоду подышать?

– Уймись, Трифон. Не гневи Бога! В огороде все народилось, рыба соленая есть, корова доится, перебедеуем, – отмахнулась женщина, осторожно присаживаясь на край Мишиной постели. – Хочешь чего, Мишаня? – спросила она, еле заметным движением поправив ему подушку.

– Водички если только, да посплю потом, – нашел в себе силы улыбнуться Мишка.

Вся его чуйка буквально вопила, что вокруг творится что-то совсем неправильное, но что именно – непонятно. А значит, вести себя надо так, словно собрался пройтись по минному полю. Напившись, он поблагодарил женщину и, прикрыв глаза, попытался проанализировать все увиденное, но, сам того не ожидая, провалился в долгий глубокий сон.

* * *

Проснулся Мишка от острого и вполне естественного желания. Чувствуя, что еще немного, и он невольно изобразит известный бельгийский памятник, Миша привычным движением откинул одеяло и встал. Точнее, попытался встать. Все-таки с его телом было что-то не так. И точность движений, и координация, и даже габариты не совпадали с теми, с которыми он жил всю жизнь. К тому же от резкого движения

снова начала ныть шишка на затылке и закружилась голова.

Пытаясь не обращать внимания на все эти сложности, он сжал зубы и усилием воли заставил себя выпрямиться. В итоге моментально накатила слабость, и очнулся Мишка уже на полу. Заботливые руки подхватили его, помогая приподняться, и испуганный женский голос тихо зашептал:

– Мишенька, что же ты так, сынок! Позвал бы, я бы и прибежала.

– Да мне бы это... На двор, – кое-как справившись с голосом, смущенно ответил Мишка.

– Ох ты, господи! Вот ведь дура бестолковая! – снова запричитала женщина. – Пойдем, сынок. Провожу.

Понимая, что без посторонней помощи ему не справиться, Миша оперся рукой на плечо Глафиры Тихоновны и, еле слышно постанывая сквозь плотно сжатые зубы, зашлепал к дверям. Желудок то и дело подкатывал к горлу. Попутно, сквозь туман перед глазами, Михаил старательно оглядывал помещение, в котором оказался. По первым прикидкам, это была обычная деревенская изба-пятистенки, с большой русской печкой, беленной все той же известью. Неубиваемое заведение типа скворечник оказалось за домом, в огороде.

Справив нужду и чувствуя себя почти счастливым, Мишка выбрался на двор и, держась рукой за стену избы, с удовольствием вдохнул свежий прохладный воздух. Стоявшая рядом женщина, смотревшая на него с грустью и жалостью, куталась в большой платок и терпеливо дожидалась, когда

Мишка найдет в себе силы вернуться обратно. Сообразив, что разбудил ее, Мишка смутился и, попытавшись улыбнуться, негромко сказал:

– Простите, что поднял ни свет ни заря. Думал, сам управлюсь.

– Да бог с тобой, сынок. Жив, и ладно. А с остальным справимся, – улыбнулась в ответ женщина.

– Глафира Тихоновна, а что все-таки случилось? Чем это меня так приложило?

– Пойдем в дом, расскажу. А то холодно, простынешь еще, – всполошилась женщина, снова подхватывая его за пояс.

Только теперь Мишка понял, что стоит перед ней в одном нижнем белье, вроде солдатского, и какой-то кожаной обуви навроде исторических поршней. Смутившись еще больше, он поспешил убраться в избу, пока посторонние не увидели его в таком виде. Добравшись до своей лежанки, Мишка поспешно накрылся одеялом и вопросительно посмотрел на женщину. Понимая, чего он от нее ждет, та поправила платок, брошенный на плечи, и, присев на край лежанки, принялась тихо рассказывать:

– Ты с охоты шел. С тобой еще два паренька было. Друзья твои. Митька и Колька... – Тут она замолчала, настороженно глядя на него. В ответ Мишка только удрученно покачал головой. Вздыхнув, она продолжила: — Три дня в тайге были. Рябчиков хорошо взяли, да еще и глухарей добыли. А как

мимо дома инженера шли, что-то там у него и взорвалось. Друзей твоих насмерть побило, а тебя по голове чем-то стукнуло. Два дня лежал, думали, уже и не встанешь.

– Это выходит, я охотился регулярно? – на всякий случай осторожно уточнил Мишка.

– И еще как. Почитай, всех нас кормил. И по пушному зверю ходил, и по дичи, и рыбу ловил. То-то Трифон взъерепенился. Раньше половину добычи твоей купцам на кухню продавал и с деньгами был, а теперь... – Она замолчала, удрученно вздохнув.

– Ничего. Были бы кости, а мясо нарастет, – попытался успокоить ее Мишка. – Раз уж вставать пытаюсь, значит, не все так плохо. Сейчас главное тело в порядок привести, и чтоб голова не болела. А память... – Он замолчал, подбирая слова. – Главное ухватки охотничьи вспомнить, остальное само потихоньку придет.

– Даст бог, вспомнишь, – слабо улыбнулась Глафира Тихоновна.

– Вы мне напомните, я вам кто? Вроде как племянник, – осторожно предположил Мишка, выводя ее на нужную тему.

– Слава те господи, вспомнил, – оживилась женщина.

– А родители мои где? Померли?

– Так бандиты басурманские налетели и всю деревню вашу пожгли. Батя твой отстреливался, да застрелили его. Мать, сестра моя единокровная, с младшей дочкой через огород бежала, так их обеих одной пулей и убило. Вот ты

один и остался. А я забрала. Своих-то деток мне Господь не дал, – всхлипнула женщина.

– Бандиты – это хунхузы китайские? – быстро спросил Миша, сам не поняв, почему указал именно на них.

– Они, проклятые, – кивнула Глафира.

– Ладно, Глафира Тихоновна, спать идите. Да и я еще подремя, – закруглил Миша разговор, пытаясь проанализировать ситуацию.

– Да куда теперь спать-то? – удивилась женщина. – Корову доить пора. А ты спи. Спи. Поправляйся, – добавила она, погладив его по щеке шершавой от мозолей ладонью.

Поднявшись, женщина отправилась по своим делам, а Мишка, устроившись поудобнее, принялся лихорадочно ощупывать собственное тело. Только теперь до него дошло, что с ним не так. Это было *не его* тело! Это было тело подростка лет четырнадцати-пятнадцати. Жилистое, крепкое, но явно не знающее, что такое настоящий спорт и серьезная драка. Поднеся к лицу ладони, Мишка внимательно изучал крепкие пальцы с кое-как обрезанными ногтями и мозолями от домашней работы.

«Ну и как это все понимать? Меня самого-то куда дели?! – взвыл он про себя, чувствуя, как от ужаса волосы на голове шевелятся. – Это что? Выходит, наши фантасты про всяких попаданцев правду писали? Получается, что теперь я и сам попал. Вот только куда? Так, стоп. Мишка, возьми себя в руки и начни мыслить конструктивно... Да ну нахрен! Какой

тут, к бениной маме, конструктив? Как это вообще может быть?! Куда меня нахрен занесло?!»

Последнюю фразу он едва не выкрикнул в полный голос, в последний момент сообразив, что привлечет к себе внимание и получит кучу ненужных вопросов. С грехом пополам справившись с эмоциями, он принялся глубоко дышать, пытаясь успокоиться. Сейчас, главное, было понять, куда он попал и что с этим делать. Как оно случилось, можно будет обдумать позже. Успокаивая себя подобными мыслями, Миша немного взял себя в руки и принялся вспоминать, что успел увидеть во время своей недолгой прогулки.

– Так. Изба-пятистенок. Такие по всей России ставили. Тетка про хунхузов сказала. Выходит, я где-то за Уралом. Я вроде паровозный гудок слышал, выходит, рядом железка. Мама! Неужели я где-то на КВЖД? Если так, то я действительно попал. Места тут веселые. Стоп. А с чего я решил, что гудок был паровозный? А с того, что у тепловозов гудок другой. Не такой писклявый. Уверен? Да, блин. Уверен.

Вздвогнув от собственных мыслей, Миша зажмурился и сжал кулаки, снова пытаясь успокоиться. Новое тело то и дело выходило из-под контроля. Похоже, гормональный всплеск подростка заливал его сознание эмоциями. Отдышавшись, Миша расслабился и вернулся к размышлениям.

«Итак, что мы имеем? Тело мальчишки. И чем им мое старое не понравилось? Крепкое, здоровое тело сорокалетнего мужика, отслужившего в армии, регулярно занимавше-

гося рукопашкой и имевшего нормальные мужские увлечения: охота, рыбалка, техника... Ладно. Уже отобрали, и претензии непонятно кому предъявлять. А вообще, если вспомнить, как оно все случилось, то поневоле начнешь верить в инопланетян и чертей.

Мотоцикл жалко. Из руин старичка поднял. До сих пор как вспомню, так вздрогну. Одна только покупка его мне столько усилий стоила, что смех берет. С завода они только с коляской идут, а я всегда чистый байк хотел. Пришлось на гайцев выходить и с их гаража списанный мотоцикл брать. Да уж. Но ведь добился своего. Купил, восстановил. Как новенький был. Черт!»

Не удержавшись, Миша зло зашипел сквозь зубы. Именно потеря мотоцикла, в который он вложил столько сил и времени, заставила его понять, что потерял он не только мотоцикл, но и всю свою прошлую жизнь. Да, пусть странную, где-то бестолковую, в чем-то даже глупую, но свою. Налаженную, привычную. Что больше не будет ничего из того, к чему он так привык. Ни посиделок в бане с друзьями, ни флирта с женщинами, ни долгих выездов на природу. Придется все начинать заново.

«Да твою ж мать! За что мне это? – взвыл он про себя, снова сжимая кулаки. – Так, Миша. Остановись, или сам себя загонишь. Вспоминай, как тебе на Кавказе хреново было. Пережил. Выжил. Вот и здесь справишься. Выживешь, если сильно захочешь. Думай, Мишка. Думай. Что у нас в акти-

ве? Возраст и потерянная память. Под эту марку можно будет некоторое незнание местных реалий списать. А главное, у тебя есть знания твоего времени. Теперь нужно узнать, где именно я нахожусь и какой тут год. Судя по манере разговора, это начало прошлого века. Выходит, царские времена. А может, все не так плохо?

Блин, да тут же тогда все мои знания и яйца выеденного не стоят. Вся наука еще только начинает развиваться. Оружие как бы не дульнозарядное. Небось, еще карамульки с дымным порохом. Стоп. Это меня куда-то не туда понесло. Что там тетка сказала? Я охотником был? Точно. Нужно попросить ее ружье принести. Тогда многое ясно станет. Охотничье оружие, это отрасль выпуска боевого. Хотя это может и берданкой какой допотопной оказаться. Откуда пацану хорошее оружие взять?»

Вошедшая в избу Глафира Тихоновна поставила у порога подойник и, вытирая руки фартуком, подошла к лежанке. Убедившись, что Мишка не спит, она улыбнулась и тихо спросила:

– Дать молочка, сынок? Свежее. Только сцедила.

– Благодарствую, – кивнул Мишка, припомнив подходящее словцо. – И это... Мне б амуницию мою охотничью осмотреть. И ружье. Может, там не все пропало? – быстро добавил он, торопясь воплотить свои мысли в дело.

– Так сумки твои порвало все, а ружье в сених. Принесу сейчас. Остальное, вон, в сундуке, – ответила женщина, кив-

нуж куда-то в угол.

Вернувшись к лежанке, она протянула Мишке курковую двустволку с разбитым в клочья цевьем и расщепленным прикладом.

– Это чем же его так?! – охнул Миша, вертя в руках эти руины.

– Так взрыв сильный был. У инженера сарай по досточкам разнесло. Там сейчас полиция ищет чего-то, – вздохнула женщина. – Что, плохо все? – спросила она, кивая на двустволку.

– Пока не знаю. Если стволы не погнуло, то остальное восстановить можно, – пожал Миша плечами, привычно разбирая ружье.

Отсоединив стволы, он попытался выбрать удобное положение, чтобы осмотреть их на свету, но снова резко накатила слабость и задрожали руки. Уронив стволы себе на живот, Мишка зажмурился и еле слышно застонал.

– Что, Мишенька, опять плохо? – всполошилась тетка.

– Слабость накатила. Сейчас пройдет, – прошипел Миша, пытаясь взять себя в руки.

– Ты бы отдохнул, сынок. Рано тебе еще с оружием возиться.

– Ничего, мама Глаша, справлюсь. Без дела совсем худо будет, – механически отозвался Мишка, пытаясь проморгаться, чтобы разогнать туман перед глазами.

– Господи, дождалась! – охнула женщина, быстро пере-

крестившись.

– Чего? – не понял Мишка.

– Родители твои погибли, когда тебе девятый годок был. С тех пор ты меня кроме как тетушкой и не звал. А тут... за столько лет... мама Глаша, – всхлипнула женщина, утирая слезы.

– Ну так оно вроде, и правильно будет. Ты ж мне вместо мамки стала, – нашелся Мишка, ругая себя за бестолковость и полное отсутствие контроля за собственным языком.

– Да что ж я сижу, глупая! – вдруг подскочила Глафира. – Я же тебе молочка хотела...

Спустя минуту в руках у Миши появилась кружка свежайшего, еще теплого молока и краюха духмяного ржаного хлеба. Забыв про все сложности и трудности, Мишка, едва не урча от удовольствия, впился зубами в душистый хлеб, запивая его парным молоком. Моментально проглотив импровизированный завтрак, он удивленно заглянул в пустую кружку. Заметив это, Глафира обрадованно улыбнулась и без разговоров повторила все снова. В этот раз Мишка ел не спеша, смакуя каждый глоток. Только теперь он понял, что был жутко голодным.

Дождавшись, когда он поест, Глафира забрала у него кружку и, погладив по лбу, вздохнула:

– Ну, слава богу, вроде оживаешь. Есть вон начал.

– Оживаю, мама Глаша, – улыбнулся в ответ Мишка. – Вот голова перестанет болеть, и можно будет делом заняться.

– Это каким же?

– Так придется приклад новый резать. С таким больше не постреляешь, – нашелся Мишка, кивая на разобранное ружье. – Мне б доску еловую, пошире, и на длину пальца толщиной. На печку положить, пусть просохнет как следует. Можно найти?

– Чего ж нельзя, – удивилась Глафира. – Днем схожу на лесопилку, мужики подберут.

– Только без сучков. Чтобы слои ровными были, а то при выстреле треснуть может, – принялся пояснять Мишка.

– Да уймись, заполошный, – рассмеялась Глафира. – У нас на лесопилке все соседи работают. Скажу что тебе для ружья, подберут. Сами охотники.

– Точно. Забыл, – усмехнулся Мишка, сладко зевая.

После сытного завтрака накатила сонливость, и он, пере-ложив разобранное оружие на пол, уснул.

* * *

Почувствовав, как что-то сжимает его запястье, Мишка привычным движением перехватил это нечто, выворачивая его наружу, и только потом открыл глаза, не сразу сообразив, что происходит. Первым ощущением были паника и желание вырваться. У кровати, на табурете сидел давешний доктор, пытавшийся проверить его пульс. Удивленно посмотрев на пальцы, сжимавшие его вывернутую ладонь, доктор удив-

ленно хмыкнул и, поправив пенсне, спросил:

– Где это вы, юноша, научились так ловко людей хватать? У меня аж рука заныла. Прямо пластунская ухватка какая вышла. Не ожидал. Ловко, ловко. Похоже, и вправду на поправку идете.

– Извините, доктор. Случайно получилось, – поспешил повиниться Мишка, в очередной раз ругая себя за расслабленность.

Теперь, когда он оказался непонятно где и как, ему нужно было быть осторожным, как разведчику-нелегалу в стране противника. Иначе в лучшем случае в местном ему будет обеспечено место в дурдоме, а в худшем, если он в дореволюционной России, заграничные партнеры вывезут его в просвещенную Европу и, выпотрошив до донышка, потихому удавят, чтобы любое послезнание никому больше не досталось.

Значит, ему нужно сделать все, чтобы избежать такого развития событий. Мрачно вздохнув, Мишка задумчиво посмотрел на врача и, заставив себя улыбнуться, спросил:

– Доктор, а вы slučajем газет с собой не захватили?

– Захватил, юноша, – улыбнулся врач, убирая часы в жилетный карман. – Но сначала расскажите, как себя чувствуете.

– Голова еще болит и с памятью беда. А из-за головы двигаться трудно, – честно признался Мишка.

– А вот двигаться вам пока не стоит, молодой человек.

По голове вас ударило крепко. Так что еще неделю полный покой. А там посмотрим. С такими ранениями шутить не стоит.

– Это что ж, он еще целную неделю тут бездельничать будет? – снова раздался сварливый голос, и к лежанке прошаркал странный мужичок.

Пегая бороденка клочками, глаза неопределенного цвета под кустистыми бровями, сутулый и весь какой-то нескладный, словно кусками собранный – именно такое впечатление о нем сложилось у Мишки.

– Он, значит, валяться будет, а я его кормить стану? – между тем продолжал дребезжать мужик.

– А когда я тебя кормил, не мешало? – неожиданно для себя самого огрызнулся Мишка.

Поперхнувшись очередной фразой, мужик злобно зыркнул на него глазами и, развернувшись, вышел из избы. Доктор, который во время их беседы рассматривал Мишкин зрачок, оттянув ему веко, только одобрительно усмехнулся в бородку и, достав деревянный фонендоскоп, принялся выслушивать дыхание пациента. Глядя на этот раритет в руках врача, Мишка невольно окунулся в воспоминания собственного детства. Точно такой же деревянный прибор был и у его родной тетки, работавшей терапевтом в районной поликлинике.

– Ну что ж, неплохо, неплохо. Организм у вас, молодой человек, крепкий, общее выздоровление идет неплохо. А что касается головы, то тут только терпение и покой. Рана на

затылке уже почти затянулась, кровотечения нет. Гематома скоро рассосется, а вот с сотрясением мозга шутить не стоит. Так что советую вам полежать спокойно, пока всяческие неприятные ощущения не пройдут.

– Спасибо, доктор. А газеты? – напомнил Мишка о самом для себя главном.

– Вон, на столе лежат. Надеюсь, читать вы хорошо умеете.

– Да вроде в школе не ленился, – нашелся Мишка.

– Прекрасно, прекрасно. Мне нравится ваш настрой, молодой человек, – тихо рассмеялся доктор и, поднявшись, вышел.

«Так. С чего начать? – оглядывая избу, думал Мишка. – Ружьем заняться, чтобы того алкоголика унять, или газетки полистать? Лично мне газеты важнее, а ружье я уже разобрал. Стволы вроде и вправду целы, казенная часть поцарапана, но вроде не разбита. Так что займемся газетами. Все равно без древесины ничего сделать не получится».

Приняв решение, он осторожно, помня свой утренний опыт, уселся на постели, откинул одеяло и, спустив ноги на скобленный пол, приготовился к очередному приступу слабости. Голова и вправду закружилась, но не так сильно. Переждав накатившую тошноту, он подтянул к себе сложенную на соседней лавке одежду и, натянув портки, сунул ноги в кожаные поршни. Осторожно поднявшись, Мишка, держась за стену, добрался до двери и, толкнув низкую дверь, вышел на крыльцо.

Отдышавшись, он заковылял в сторону «скворечника». Справив нужду, Мишка огляделся и, заметив колодец, взял курс на него. Нужно было хоть как-то умыться. Болезнь болезнью, а запускать себя последнее дело. Ему повезло. Кто-то, очевидно тетушка, достал из колодца ведро, полное воды, и оставил его на колодезном срубе. Сам Мишка в своем нынешнем состоянии ведро ни за что не поднял бы, даже при помощи ворота.

Скинув исподнюю рубаху, Мишка зачерпнул горстью воды и осторожно согнувшись, принялся умываться. Вода оказалась настолько холодной, что зубы застучали. За этим занятием его и застала тетка.

– Мишенька, ты что ж это удумал? Опять вскочил, неутомный! – запричитала она, подсказывая к парню.

– Так физию умыть надо, мама Глаша, – улыбнулся ей Мишка, хватаясь за сруб, чтобы не упасть. – Да я осторожно. Не волнуйся так.

– Давай уж полью, горе мое, – улыбнулась женщина, подхватывая ведро.

Приведя себя в относительный порядок, Мишка натянул рубаху и, вскинув голову, с удовольствием вдыхал прохладный осенний воздух. Вспомнив, как дышалось в загазованном городе его прошлой жизни, Мишка удивленно хмыкнул и осторожно заковылял обратно в избу. Теперь можно было заняться делом. Прихватив со стола газеты, он улегся в постель и, устроившись поудобнее, с замиранием сердца нашел

взглядом название газеты с датой выпуска.

«Твою мать! – еле сдержавшись, взвыл про себя парень, едва разглядев дату: 1897 год. – Это же еще девятнадцатый век!»

Ему вдруг очень захотелось заорать во весь голос, грохнуть кулаком в стену или набить кому-нибудь морду. Желательно, чтобы этот кто-то имел отношение ко всей той фигне, которая с ним происходит. Уронив газету, Мишка прикрыл глаза, пытаясь хоть как-то успокоиться. Очередной сеанс дыхательной гимнастики позволил ему взять себя в руки и начать мыслить. Не продуктивно, а просто, спокойно. Ну, почти.

Открыв глаза, парень мрачно посмотрел на лежащую перед ним газету, а потом на свои новые руки. От нахлынувших эмоций пальцы заметно подрагивали. Стараясь не порвать, Мишка развернул газету и попытался вчитаться в текст первой попавшейся на глаза статьи. Но и тут его ожидал очередной облом. Текст изобиловал всякими ятями и ерами, от которых рябило в глазах и терялся смысл текста. К тому же здешние словесные обороты просто отказывались укладываться в мозг.

Убедившись, что ничего путного из этой затеи пока не выйдет, Мишка свернул газету и, отложив ее в сторону, вернулся к размышлениям. Во всех когда-то прочитанных им книгах о попаданцах главные герои всегда имели высшую цель, ради которой их и перекидывали во всякие иные миры

и времена. К тому же это почти всегда были крутые спецназеры, способные ударом кулака убить носорога, одним плевром сбить баллистическую ракету и, разок пернув, разогнать целое войско противников.

А что умел сам Мишка? Благодаря службе в армии, умел хорошо стрелять, разбирался в оружии, автомобильной технике, имел кое-какое представление о строительстве, благо в прошлой жизни сам себе дом строил. Были познания в электротехнике, механике, гидравлике и тому подобных дисциплинах. Но все это не имело почти никакого значения, если вспомнить, что местное общество жестко разделено на сословия. А значит, будучи в теле крестьянского парня, подняться выше какого-нибудь купца ему не светило.

Но и купечество в местных реалиях – это тоже сословие, в которое не так просто попасть. Все давно поделено, и каждый занимает свою нишу. К тому же местная торговля наверняка зиждется на давних семейных связях. А самое главное, имея образование в виде пары классов церковно-приходской школы, будет просто невозможно объяснить происхождение своих познаний в разных точных науках. В общем, чтобы интегрироваться в местное общество, нужно начинать с малого. Нужен тот, на кого можно будет при нужде сослаться как на учителя. И где такого взять в крошечном сонном городишке, построенном на узловой станции в сибирской глубинке девятнадцатого века?

Из грустных размышлений его вывело появление тетки

Глаши. Внеся в дом корзину с овощами, она быстро сполоснула руки в рукомойнике, что висел у входа над старым медным тазом и, подойдя к лежанке, спросила:

– Мишенька, ты кушать не хочешь?

– Я бы молока с хлебушком поел, – улыбнулся ей Мишка, сразу вспомнив вкус своего завтрака.

– А может тебе щей нацедить или репы напарить?

– Доктор сказал, пища легкая должна быть. Так что лучше я молочка попью, – нашелся Мишка.

– Тотчас принесу, – засуетилась тетка, но не успела сделать и двух шагов, как в дверь постучали.

Через порог перешагнул дородный мужчина в белом кителе, в сопровождении человека интеллигентного вида со странно смущенным лицом.

«Местная власть. А второй тогда кто? На следака не тянет. Взгляд не тот», – моментально оценил неизвестного Мишка.

– День добрый, Глафира Тихоновна, – забасил полицейский, расправив роскошные усы. – Вот, нужно нам с господином инженером выяснить, как племян твой поживает и какой ущерб ему нанесен.

– А чего это только ему? – снова раздался визгливый голос и в дом, следом за гостями, ввалился Трифон.

«Так. Похоже, этот уже успел где-то прицел поправить, – буркнул про себя Мишка, рассмотрев покрасневший нос и блестящие глаза дядьки. – Классический алкоголик».

– У нас, чтоб вы знали, тоже ущерб имеется, – между тем

продолжал голосить Трифон. – Племяшу моему голову проломило, лежит вон пластом, корми его теперь да доктору за лечение плати. Ружье ему искорежило. Чем теперь добывать станет? А ружье, оно больших денег стоит.

– Уймись, Трифон, – жестко осадил его полицейский. – А ты что скажешь, Михаил? – повернулся он к наблюдавшему за этой сценой Мишке.

– Да вы проходите, люди добрые, присядьте. В ногах правды нет, – нашел в себе силы заговорить Мишка. – Уж простите, после контузии не помню, кого как зовут. Вон, доктор даже газет принес, чтобы я хоть как-то память наладил.

– Серьезно тебя приложило, – удрученно кивнул полицейский, тяжело опускаясь на лавку. – Значит так. За лечение доктору нашему господин инженер сам заплатит. Это уже с доктором оговорено. Что ему уплатили, вам вернут. А что по оружию твоему?

– Так, правда, все, – вздохнул Мишка. – Двудулка моя долго жить приказала. Приклад в клочья. Цевье тоже. За механизм ничего не скажу, может и стволы погнуло. Но это, пока не выстрелишь, не узнаешь. А из меня стрелок пока... сами видите.

– Да уж, – снова крикнул полицейский. – Что скажете, господин инженер? – повернулся он к смущенно топтавшемуся мужчине.

– Ну, про доктора вы, господин урядник уже все как есть сказали. А про ружье... – Инженер задумался на мгновение

и вдруг, улыбнувшись, добавил: – Есть у меня к вам, юноша, одно предложение.

– Расскажите, сделайте милость, – вежливо улыбнулся Мишка.

– Мне несколько лет назад, когда я сюда уезжал, ружье охотничье подарили. Немецкое. Фирмы «Зиг-Зауэр».

– Слышал про такую. Хорошая машинка, должно быть, – не сдержался Мишка.

– Мне сказать трудно, я не охотник. Но если вы не против, то я готов отдать вам его взамен утраченного.

– Дорогое оружие. Да и припасы к нему не дешево встанут, – сделал вид, что задумался Мишка.

– Да мне к нему припаса надарили столько, что на год хватит, – поспешил заверить инженер.

– А гильзы какие? Латунные? – не унимался Мишка, хотя уже и принял решение и судорожно вспоминал, когда появились папковые патроны.

– Да. Латунные. А под нарезной ствол наши винтовочные подходят. От винтовок малого калибра. Промысловые которые, – путано пояснил инженер, почему-то краснея.

– Ого! Так оно еще и с тремя стволами?! – Мишка аж подскочил, услышав такое.

– Так говорю же, ружье подарочное. Друзья на заказ покупали и аж из самой Германии везли.

– Согласен, – решительно заявил Мишка, про себя радостно потирая руки.

– Э-э, господин хороший, а как же прокорм? – раздался пронзительный вопль, и Мишка невольно сморщился от этого противного визга. – Он же теперь, почитай, весь сезон охотиться не сможет. А до зимы уж рукой подать. Как с этим быть?

Трифон явно не собирался сдаваться и пытался выкрутить из ситуации все, что только можно. Урядник вопросительно покосился на Мишку, и тот в ответ только неопределенно пожал плечами. Вздыхнув, полицейский перевел взгляд на инженера.

– Сколько ты за сезон на пушнине набивал? – спросил урядник у Мишки, тяжело поднявшись.

– По-разному бывало. Но ежели серединку брать, то рублей пять на ассигнации выходило. Точнее в фактории спрашивать надо. Или у мамы Глаши. Она точно скажет.

– Пусть будет пять, – поспешил согласиться инженер и полез во внутренний карман.

– Вы, господин инженер, маме Глаше два рубля дайте, а за остальное потом.

– Когда потом? – не понял инженер.

– А когда эти деньги кончатся, я за ними сам зайду. Ну или мама Глаша, – решительно пояснил Мишка, решив сделать все, чтобы лишить дядьку финансовой подпитки.

На водку себе пусть сам добывает. А вздумает права качать, так Мишка найдет, как укоротить. Главное сейчас твердо на ноги встать.

– Это правильно, – одобрительно кивнул урядник.

– Да что вы его слушаете, господин урядник?! – выскочив на середину избы, затрясся Трифон. – Он же контуженый. Мне деньги давайте. Мне.

– Уймись, Трифон, – неожиданно рявкнул полицейский. – По-хорошему уймись. Не доводи до греха. А не то махом у меня в холодную сядешь. Племяш твой дело сказал. И учти, за тем, что касается денег, я сам следить буду. Лично. Так что не балуй, – закончил он, погрозив пьянице толстым как сарделька пальцем.

– Это за что ж вы меня так обижаете, господин урядник? – разом сникнув, угрюмо поинтересовался Трифон.

– А то ты не знаешь, – хищно усмехнулся полицейский. – Ты у меня на заметке давно. Так что по краю ходишь. Да и неграмотный ты. А племяш твой за каждый раз будет расписочку писать, что деньги получил.

– Так, значит, договорились? – вдруг спросил инженер с какой-то скрытой надеждой.

Глафира, вернувшаяся с огорода, осторожно протиснувшись в дверь, испуганно охнула и попыталась вжаться в стену. Властей она явно почему-то боялась, но урядник, увидев женщину, величественным жестом подозвал ее к себе и, кивая на Мишку, сказал:

– Значит так, Глафира. Вот, господин инженер пришел, значит, чтобы дело это об ущербе полюбовно решить. С Мишкой твоим они вроде сговорились. Теперь за тобой дело. Ружье он ему даст. Свое. Хорошее. И денег за потерю сезона промыслового. Пять рублей на ассигнации. Вот, сейчас два рубля, а остальные – как эти закончатся. Мишка, когда зайдешь? – повернулся он к лежащему.

– А вот месяц пройдет, и зайду. И у господина инженера жалованье будет, и нам рассчитать проще, – снова нашелся Мишка.

– Тогда, – подвигая на пузо что-то вроде полевой сумки, пробасил урядник, – вот тебе бумага, вот карандаш, пиши, а я диктовать стану.

– Вы, господин урядник, сами все напишите, а потом зачитите вслух. Мне пока трудно. Голова еще болит, и руки трясутся. А я потом подпишу. Вы власть, все у вас на глазах, по закону будет, – выкрутился Мишка, вспомнив, что писать он умеет только на языке конца двадцатого века.

– Гм, – заметно смешался полицейский, расправляя пальцем роскошные усы. – Ну, можно и так. Только почерк у меня...

– А лучше вон, пускай господин инженер напишет. Уж у него-то почерк точно красивый. Недаром в университетах учился, – подал Мишка идею, сообразив, что урядник и сам не сильно с грамотой дружит.

– Извольте. Напишу, – тут же согласился инженер и, по-

винуясь жесту полицейского, присел к столу.

Быстро набросав подсказанный урядником текст, он откашлялся и хорошо поставленным голосом прочел все написанное. Прикрыв глаза, Мишка внимательно его выслушал и, осторожно кивнув, чтобы не потревожить сильно голову, протянул руку за бумагой:

– Верно все. Давайте подпишу. А что у вас там так рвануло, господин инженер? – спросил Мишка, возвращая ему расписку. – Неужто динамит в сарае хранили? Или еще химию какую?

– Да какая там химия, – отмахнулся инженер. – Я механик, а не химик. Там у меня новый мотор был. Экспериментальный. И ведерная канистра топлива к нему. Сам диву даюсь, что так взорваться могло.

– А мотор какой? Дизельный или бен... газолиновый? – в последний момент исправился Мишка, припомнив, что в самом начале разработки ДВС все моторы были приспособлены для газolina. Бензина как такового еще не было.

– Интересно. Откуда, позвольте спросить, у вас, юноша, такие познания? – с интересом уставился на него инженер.

– Так грамотный я, ваша милость. Газеты вон почитываю. Да и в депо бывал, с мастерами говорил.

– Дизельный был двигатель. Вам это о чем-то говорит?

– Ведро дизеля так не взорвется, – решительно заявил Мишка, решив идти ва-банк. – Да и сам двигатель разорвать не могло. Если толщина стенок цилиндров правильно была

высчитана. Нет. Это не он.

– Ишь ты, грамотный какой! А что тогда так рвануло? – хмыкнул урядник с заметной обидой.

– Сам взрыв я не помню. Контузило. Да и вообще, лучше бы на месте посмотреть. Но если все беды, что мне рассказывали, правда, то сделано это было кем-то специально, – медленно, словно раздумывая, протянул Мишка. – Дизель, господин урядник, он в подогретом состоянии от резкого сжатия вспыхивает. Вспыхивает, а не взрывается. В другом случае, ничего кроме вонючего дыма или просто огня от него не получишь.

– Юноша, да вы словно рядом со мной работали! – всплеснул руками инженер. – Откуда вы так хорошо знаете процесс работы такого двигателя?

– Так среди людей живу, господин инженер, – снова ушел от ответа Мишка.

– Темнишь, Мишка. У нас таких моторов в депо отродясь не было. Я бы знал, – пробасил урядник, с интересом слушавший их разговор.

– Это он, видать, в Томске насмотрелся, – пришла ему на помощь Глафира. – В прошлом году мы туда рыбу продавать возили, так он все вокруг всяких самобеглых повозок крутился. А после контузии позабыл все, вот и выкручивается.

– Неужто совсем все забыл? – удивился урядник.

– Угу, – мрачно кивнул Мишка, проклиная себя за несдержанность и торопливость.

– А доктор что говорит? – не унимался полицейский.

– Сказал, что случай интересный, и он за мной бесплатно наблюдать будет. Деньги только за лечение раны и сотрясения мозга возьмет. Сам предложил. Любопытно ему стало.

– Вот оно как, – задумчиво протянул урядник.

– Господин инженер, а вы другой двигатель собирать станете? – спросил Мишка.

– Это от решения полицейской комиссии зависеть будет, – удрученно вздохнул тот.

– Да бог с вами, – отмахнулся Мишка. – Там же не глупые люди сидят. Ну не может ведро соляры рвануть как ящик динамита. Не может. Загореться все могло. Сарай-то деревянный. А взрыв – это что-то другое.

– Это с чего ты такой вывод сделал? – тут же последовал вопрос от полицейского. Урядник явно сделал стойку, словно охотничий пес, учуявший добычу.

– Да просто все. Я с охоты шел, верно? С добычей. А значит, на улице был. За забором. Вот и прикиньте, какой силы тот взрыв должен быть, чтобы меня за три десятка шагов доской контузило. Или чем там еще. Сарай, небось, весь в щепки разметало?

– Это да, – задумчиво кивнул урядник, разглядывая Мишку непонятым взглядом. – А что тебе до нового двигателя?

– А хочу к господину инженеру в ученики напроситься, – рискнул Мишка. – Нравится мне с железками возиться. Да и говорят, талант у меня к этому делу есть.

– Увы, юноша, но пока ничего обещать не могу, – грустно улыбнулся инженер. – Вот закончится расследование, тогда и можно будет к этому разговору вернуться. А пока поправляйтесь.

– Благодарствую, господин инженер. Но разговор этот еще не закончен.

– А ты, Мишка, изменился, – вдруг высказался урядник. – Не пойму, в чем, но изменился. Вроде ты, а как заговоришь, вроде и не ты.

– Да он это, он, – заполошно вскинулась Глафира.

– Не шуми, Глафира, – отмахнулся урядник. – То, что это Мишка, я и так вижу. Я ж его еще сопливого помню. Но вот разговор...

– Не мне вас учить, господин урядник, что однажды по краю пройдя, человек сильно меняется, – вздохнул Мишка. – Я тут, пока лежал, многое обдумал.

– Да уж, обдумал, – хмыкнул урядник. – Ты это... Не спеши. Лечись пока. Лежи и думай. О чем думать, сам найдешь. А вот спешить не надо.

– Это вы про что, ваше благородие? – осторожно уточнил Мишка, запутавшись в его советах.

– Это я про ученичество твое, – помолчав, пояснил урядник. – Не спеши. Всеу свое время.

– Ладно, как скажете, – пожал Мишка плечами, уже совсем ничего не понимая.

– Глафира, деньги приberi, – скомандовал урядник. – А

ты, Трифон, знай: узнаю, что отнял и пропил, в холодной сгною. Тебе еще зимовать надо.

С этими словами полицейский тяжеломерно развернулся и не спеша поплыл к выходу. При его габаритах назвать это действие как-то иначе Мишка просто не мог. Инженер, окинув парня задумчивым взглядом, поспешил следом. Проводив их взглядом, Мишка вздохнул и, повернувшись, наткнулся взглядом на мрачный взгляд дядьки. В глубине его покрасневших, заплавленных от пьянства глаз плескалась тихая ненависть.

«О, как все запущено, – подумал Мишка, глядя на него с неприкрытым вызовом. – Ну, давай, тварь. Дернись. Даже в этом состоянии я тебе кадык вырву».

– Ну, слава богу, разрешилось все, – оборвала их противостояние тетка. – Теперь точно спокойно перезимуем.

– Потерпи, мама Глаша, – улыбнулся ей Мишка. – Думаю, успею я до конца сезона на ноги встать. И это, мне б поесть чего, – смущенно закончил он.

– Ой, сейчас, сынок. Сейчас, – засуетилась женщина, гремя в печи какой-то посудой.

Спустя примерно четверть часа Мишка с аппетитом уплетал наваристые щи с толстым ломтем черного хлеба. Запив это все клюквенным морсом, он с довольным видом откинулся на подушку и, лениво оглядевшись, снова взялся за газету. Так или иначе, но ему нужно было вживаться в местную жизнь. В возможность возвращения обратно он не верил с

самого начала. Какое-то странное чувство подсказывало, что в этом мире он навсегда.

Так что, зажав эмоции в кулак, он решил вплотную заняться интеграцией в местное общество. В то, что его при-тащили сюда ради какой-то великой цели, он не верил ни на секунду.

«Так что будем просто жить, а там, куда кривая вывезет, – решил Мишка, разворачивая газету.

Трифон, так же похлебав щей, схватил с гвоздя какую-то одежду и, хлопнув дверью, ушел. Глядя ему вслед, Глафира тяжело вздохнула и еле слышно всхлипнув, прошептала:

– Да когда ж ты уймешься?

– Что, мама Глаша, не хотел он меня в дом пускать? – высказал свое предположение Мишка.

В ответ женщина только грустно кивнула.

– Небось еще и кулаками тебя учит?

Последовал еще один кивок.

– Ничего. Встану, отучу. Хватит издеваться. А с одного раза не поймет, так я урядника помочь попрошу. Тот ему быстро голову на место поставит. Такому и бить не надо. Сядет сверху, и душа вон, – с усмешкой закончил он.

– Бога побойся, Мишенька. Как же можно, человека убить? – запричитала Глафира.

– А тебя, значит, ни за что бить можно? Или думаешь, я не вижу, что он почти все деньги пропивает? Не голодаем только потому, что я нас охотой да рыбалкой кормлю. А не

стало бы меня, и что? По миру тебе идти? О себе не думает, так зачем тебя в нищету тянуть?

– Мишенька...

– Да не шуми, мама Глаша. Не собираюсь я его убивать. А вот поучить – самое оно будет. Пусть место свое знает, – жестко закончил Мишка, возвращаясь к чтению.

* * *

Следующие два дня прошли спокойно. Мишка упрямо продирался сквозь тексты газет, торопясь изучить хотя бы при первом приближении непривычные словесные обороты и правила построения речи. Беседа с урядником заставила его изрядно напрячься. Позволив себе разговориться, он невольно привлек к себе ненужное внимание. Даже этот немолодой полуграмотный полицейский умудрился заметить несоответствия между старым Мишкой и тем, который очнулся после контузии. Хотя считать местных полицейских глупыми было бы большой ошибкой. Думать они умели. При полном отсутствии мобильных средств, связи, компьютеров и тому подобных гаджетов они опирались в розыске и следствии только на собственные мозги, наблюдательность и логику.

То и дело возвращаясь мыслями к тому разговору, Мишка проклинал свой длинный язык и торопливость. Но время шло, а арестовывать его никто не приходил. Впрочем, если

вспомнить, что время здесь спокойное, а дела делаются не спеша, то возможно, что все еще впереди.

– Ну и кто тебя, дурака, торопил? – мрачно клял себя Мишка. – Болел бы себе спокойно, да за людьми наблюдал. Раздухарился, ухарь. Решил шансом воспользоваться. А теперь вот сиди и вспоминай, откуда слово «бедлам» появилось. Вспомнил? Да-да. Именно оттуда. Из английского городишки Бедлем, где за три пенса посетителей пускали посмотреть на пациентов местного дурдома, которые сидели на цепи. Хочешь там оказаться? Шо, таки нет? Тогда научись держать язык за зубами и думать, прежде чем открывать рот.

Доведя себя таким образом почти до приступа паранойи, Мишка пришел к выводу, что сделанного не исправишь и нужно впредь быть осторожнее. На третий день в дом снова пришел урядник. Сняв фуражку, он не спеша перекрестился на образа в красном углу и, присев на лавку рядом с лежанкой, поставил между ног странного вида кожаный кофр, в котором что-то железно брякнуло. С интересом посмотрев на кофр, Мишка вопросительно уставился на полицейского.

– В общем так, Мишка. Господин инженер слово свое держит. Здесь, – его толстый палец указующе ткнул в кофр, – все, что у него для охоты было. Он это добро при мне собирал. Сразу скажу, ружье тут знатное. Больших денег стоит.

Урядник замолчал, многозначительно поглядывая на Мишку.

– Вы это к чему, ваше благородие? – осторожно поинте-

ресовался парень.

— К тому, чтобы по этому вопросу больше вопросов не было. Слово дадено, слово сдержано.

— Так я вроде в своем слове сомневаться повода не давал, — растерялся Мишка. — А что там дядька удумает, так я ему не указ. Тут уж вам самому придется его к порядку приводить.

— За него сейчас и речи нет, — отмахнулся урядник. — Разговор о тебе идет. На вот, смотри. Еще раз говорю, у него больше нет ничего. В общем, если чего тебе для охоты не хватает, дальше сам покупать станешь.

— Ну, давайте глянем, что хоть там, — откидывая одеяло и медленно усаживаясь, ответил Мишка.

Урядник ногой передвинул кофр к нему и, тяжело вздохнув, достал огромный платок. Мишка щелкнул латунными застежками и осторожно откинул крышку. В кофре, в отдельном чехле, лежало разобранное ружье. Достав его, Мишка первым делом расстегнул чехол и принялся собирать оружие. Руки сами, без участия головы делали привычную работу, словно он уже много лет подряд пользовался подобным оружием. Пристегнув цевье, он покачал ружье в руках и одним плавным движением приложил его к плечу. Приклад встал словно приклеенный.

Одобрительно крикнув, урядник вытер платком лицо и, расправив усы, негромко проворчал:

— Правду люди говорят. Ружье у тебя словно само пляшет.

— Такое оружие неумейке и давать грешно, — вздохнул

Мишка, восхищенно рассматривая ружье.

Ружье действительно было великолепным. Блок стволов украшен затейливым орнаментом по вороненому металлу, а ореховое ложе, покрытое бесцветным лаком, казалось теплым даже на взгляд. Погладив стволы, Мишка только головой покачал, не понимая, как можно было расстаться с такой красотой.

– Нравится? – понимающе усмехнулся урядник.

– Такое да не понравится?! – возмутился Мишка. – Да ему цены нет. Особенно для промысловика.

Тут он ни на волос не покривил душой. Два ствола горизонтального расположения двенадцатого калибра и нарезной ствол под ними калибра примерно пять миллиметров. Как раз на пушного зверя. Отложив ружье, Мишка склонился над кофром, аккуратно вынимая из него содержимое и попутно комментируя все увиденное.

– Так, патроны заводские, в латунной гильзе, полторы сотни. Патроны для нарезного ствола, ровно сотня. Пулелейка для нарезных патронов есть, капсюли есть. И для гладких патронов, и для нарезных. Пулелейка для гладких патронов есть. Навеска для пороха. Шомпол, ершики для чистки, – закончил он, открывая деревянный ящичек, который достал последним. – Хоть сейчас на промысел.

– Доволен? – спросил урядник с непонятной усмешкой.

– Не то слово, ваше благородие, – честно признался Мишка, баюкая ружье в руках.

– Ну и слава богу. Значит, в суд подавать на него не станешь?

– Да за что же?! – растерялся Мишка. – Человек свое слово честно сдержал. За все беды, что случайно нанес, заплатил. Так за что же в суд? Да и не верю я, что это он виноват, – помолчав, признался Мишка.

– Вот и я не верю, – вздохнул урядник. – Был я в том сарае. Еще до взрыва. И так тебе скажу, Мишка. Прав ты. Нечему там взрываться было.

– Потому вы так старательно везде с ним ходите? – сообщил Мишка.

– Угу. Человек он хороший. В депо его хвалят. А что до увлечений его, так на то он и инженер, чтобы всякое разное придумывать. А если посадят его, то депо наше, считай, навсегда без инженера останется. А это значит, что и народ без работы будет. Не все, конечно, но многие. Вот и быюсь, чтобы дело это расследовали по совести, а не ради отмахнуться.

– Так это правильно, ваше благородие, – закивал Мишка.

– Да что ты заладил, благородие да благородие. Николай Аристархович я. Забыл что ли? – возмутился урядник.

– Виноват, Николай Аристархович. Забыл. Я после контузии почти все забыл. Даже маму Глашу и то не сразу вспомнил, – ответил Мишка, скорчив соответствующую физиономию.

– Эх тебя приложило-то, – покачал урядник головой.

– Так потому и сказал в прошлый раз, что не может вед-

ро соляры так взорваться. Тут динамит нужен. И немало, – сменил тему Мишка. – Видел я, как скалу взрывали, когда ветку на шахту тянули. От такой пучок динамитных шашек, чтобы один валун убрать, – закончил он, показывая количество шашек руками. – А рвануло так, что от такого валуна один щебень остался.

– Думаешь, стоит со строителями путейскими поговорить? – задумчиво уточнил урядник.

– Ну, хуже точно не станет, – кивнул Мишка.

– Вот и я так думаю, – вздохнул урядник, задумчиво барабанив пальцами по лавке. – Ну да ладно. То мои дела. А ты поправляйся. И помни, что мне обещал.

– Не извольте беспокоиться, Николай Аристархович. Я свое слово держу. А если Трифон что удумает, так то не ко мне вопрос.

Урядник вышел из дома, а Мишка, быстро разобрав ружье, уложил все полученное обратно в кофр и поспешно задвинул его поглубже под лежанку. От завидующих глаз пропойцы-дядьки. Чтобы не вводить того в искушение. Но едва только он вернулся к чтению, как неожиданная мысль заставила его отбросить газету и поспешно выдернуть кофр обратно. Только теперь до него дошло, что все боеприпасы были унитарными, то есть собранными в один блок.

Увлекаясь оружием, Мишка отлично помнил, что собирать капсюль, порох и заряд начали только к началу двадцатого века. До того каждый оружейник искал свой спо-

соб быстрого заряжания оружия. Выходит, мир, в котором он оказался, в этом отношении развивается быстрее? Или это вообще другой, параллельный мир? От такого открытия Мишку в жар бросило. Но пока, не имея точного подтверждения, это была только версия.

Вошедшая в дом тетка отвлекла его от размышлений. Подойдя к лежанке, она устало улыбнулась и, протягивая Мишке обрезок толстой доски, сказала:

– Вот, Мишенька. Мужики сказали, что на приклад и цевье тебе в самый раз будет.

– Благодарствую, мама Глаша, – улыбнулся в ответ Мишка, рассматривая доску.

Древесину и вправду подобрали отличную. Оглаживая рукой ровные плотные слои, Мишка мысленно прикидывал, что и как резать. Осторожно поднявшись, он вышел в сени и, достав из угла ящик с плотницким инструментом, отнес его к лежанке. Потом, найдя там же старую корзину и кусок рогожи, принялся готовить себе рабочее место. Глядя на его потуги, Глафира только удивленно глазами хлопала.

Заметив ее недоумение, Мишка только плечами пожал:

– Ну не сорить же в избе. Ты и так вон все руки стерла, стирая да отмывая. А так все опилки да стружка в корзину, да в печь.

– Да бог с тобой Мишенька. Я б прибрала. Мне нетрудно, – принялась уверять его женщина. – А чего урядник-то хотел? Чего приходил? – задала она самый важный для себя

вопрос.

– Ружье от инженера принес, – успокаивающе улыбнулся Мишка. – Так что теперь мы с тобой, мама Глаша, точно не пропадем. Ты деньги-то припрятала, а то, не ровен час, Трифон найдет?

– За поленицей, в коробке из-под чая, – тихо ответила женщина, лукаво улыбнувшись.

– Правильно, – усмехнулся Мишка в ответ. – Вот на ноги встану, тогда и пойдем тратить. Купим всякого в доме нужного и тебе обнову какую.

– Да ты что, сынок? Зачем? – ахнула Глафира.

– А затем, мама Глаша, что все должно делаться правильно. Тебе давно уже пора что-то новое купить.

– Спаси тебя бог, сынок, – всхлипнула женщина, утирая глаза уголком платка.

Взяв свое разбитое ружье, Мишка быстро отсоединил приклад и, достав из ящика тонкий гвоздик, принялся очерчивать его на доске. Прикинув толщину, он решил сразу резать анатомический приклад с упорной шейкой. Нечто подобное он несколько раз видел у всяких богатеньких буратинов, имевших возможность заказывать у оружейных мастеров апгрейд своего оружия.

Лучковая пила вгрызалась в доску, отсекая все лишнее так, чтобы еще и на цевье осталось. Грубо выведя контур приклада, Мишка разметил посадочную площадку в торце и принялся срезать излишки стамеской. Наблюдавшая за его

работой Глафира удивленно покачала головой и, вздохнув, тихо сказала:

– Весь в отца. Тот такой же мастеровитый был. Любое дело у него спорилось.

– Значит, точно все получится, – усмехнулся в ответ Мишка.

У него и вправду получалось. Пятка приклада, слегка развернутая благодаря правильно сточенной древесине, ложилась в плечо словно влитая. Шейка приклада, ярко выраженная для лучшего упора в ладонь, была чуть выше, что давало возможность не сильно выгибать шею при прицеливании. В общем, он умудрился сделать то, что хотел сделать еще в прошлой жизни.

Прикрутив казенник к прикладу, Мишка занялся цевьем. Тут все было проще. Быстро выточив основу под бобровый хвост, Мишка принялся прикручивать к нему все металлические части. За этим занятием и застал его пришедший на очередной осмотр врач. С интересом понаблюдав за работой парня, он одобрительно покивал, после чего достал из жилетного кармана часы и, улыбнувшись, велел:

– Отложите-ка работу ненадолго, юноша. Пора вас осмотреть. Что ж, очень неплохо, – добавил он, проверив пульс. – Сердце работает как часы, наполнение хорошее, ритм ровный. А как общее состояние? Тошноты, головокружения нет?

– Бывает еще иногда, – вздохнул Мишка.

– Сие неудивительно, юноша, – понимающе вздохнул доктор. – Неделя всего прошла с того момента, как вы в себя пришли. Рановато вы так усиленно двигаться начали.

– Да какое же это движение, доктор? – удивился Мишка. – Я ж только руками шевелю. А ходить пока толком и не получается. А ежели совсем не вставать, так и ноги скоро отсохнут.

– Тут вы, молодой человек, безусловно правы. Но и излишние усилия вам сейчас могут навредить. Так что будьте аккуратны. Не хотелось бы, знаете, потом вас от эпилепсии лечить. Тем более что она пока толком и не лечится.

– Постараюсь поберечься, доктор. Обещаю, – ответил Мишка, честно глядя ему в глаза.

* * *

Прожив три недели в таком неспешном режиме, Мишка почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы вплотную заняться своим новым организмом. Тело, что ему досталось, было жилистым, крепким, с хорошей реакцией, но совершенно нетренированным. Похоже, кроме нескольких подростковых драк ничего другого в активе у бывшего хозяина тела не было. Так что, едва закончив с полировкой приклада для старого ружья, Мишка принялся про себя разрабатывать систему тренировок.

Растяжка, бой с тенью, ножевой бой по армейской систе-

ме, которая пару раз спасла ему жизнь в армии, да и просто отработка ударов на подходящем мешке. Собирать тренировочный комплекс Мишка и не думал. И так светился со своими проколами, словно фонарь. Так что, закончив с ружьем, он начал плавно нагружать свое тело. К его удивлению, сложнее всего пришлось с растяжкой.

Предыдущий Мишка явно и не помышлял о спорте, занимаясь только насущными проблемами. В общем-то, Мишка нынешний его понимал. Когда в доме из кормильцев только баба да огород, а все добытое ими доблестно пропивается, поневоле начнешь думать только о том, как зимой с голоду не помереть. Теперь, уже немного понимая, куда примерно его закинуло, Мишка представлял, какие тут зимы.

В общем, убедившись, что после физических нагрузок ушибленная его голова ведет себя нормально, парень начал приводить себя в порядок и попутно, чтобы хоть как-то не сорваться в депрессию и истерику, вспоминал свою прошлую жизнь. Детство, которое не кривя душой можно назвать счастливым. Юность, в которой бывало всякое, но ангел-хранитель справлялся со своей работой и вытаскивал его буйную головушку из неприятностей. Служба в армии, где из молодого оболтуса за два года сделали если не профессионала, то хотя бы бойца, способного грамотно действовать в пределах поставленной задачи. Пройдя кавказскую войну, Мишка, вернувшись на гражданку, неожиданно для себя понял, что не понимает, как жить дальше. На первый взгляд,

все было понятно. Устраивайся на работу и живи, как хочешь. Главное работу найти. А на самом деле все оказалось не так просто. Даже имея на руках диплом о высшем техническом образовании, Мишка оказался никому не нужен. И все упиралось в его участие в боевых действиях. Мишке прямым текстом говорили на собеседованиях, что отмороженные на всю голову стрелки им не нужны.

Найдя с грехом пополам какую-то контору, занимавшуюся всем подряд, он честно пытался вжиться в мирную жизнь. Пахал как проклятый, приходя домой за полночь, забывал про выходные и отпуска, но выбраться из жизни на грани нищеты не получалось. Начальство наедало ряхи, приобретало новые машины и меняло секретарш, а в его жизни все было по-прежнему.

Поймав себя на том, что больше не может и не хочет так жить, Мишка уволился и, немного помыкавшись, устроился на работу в небольшой автосервис. Ему всегда нравилось работать руками, видя реальный результат своих трудов. За то время, пока он загонял себя на работе, тихо ушли один за другим из жизни родители, своей семьи не сложилось, и Мишка вдруг понял, что проводить долгие вечера у дебилизатора ему совсем не хочется.

Побежав по инстанциям, он приобрел охотничье ружье, итальянское пятизарядное «Бинелли», подходящую снаряду и, недолго думая, в ближайший сезон отправился на охоту. Купив лицензию, на гусиной тяге он познакомился с толко-

выми мужиками, выезжавшими на природу не просто водки попить, и вскоре начал обрывать знакомствами. Именно так он пришел к мысли, что для одного, мотаться по городу достаточно мотоцикла.

Так что следующим этапом стало приобретение и ремонт железного коня. Знакомства среди инспекторов ДПС помогло ему приобрести тяжелый мотоцикл без коляски. На вопрос, почему именно такой, Мишка с грустной усмешкой пожимал плечами, откровенно отвечая, что на иностранную технику слишком долго зарабатывать придется, а кататься уже сейчас хочется.

Так он и жил, деля время между работой и увлечениями. Несколько попыток создать семью закончились ничем. Девушки, едва узнав, что он не топ-менеджер большой корпорации и не бизнесмен, моментально испарялись, оставляя в душе чувство незаслуженной обиды. Наконец ему надоело переживать и бороться с чувством неполноценности, и он переключился на профессионалок. Тут все было намного проще. Заплатил, получил искомое и забыл.

И вот когда жизнь вошла в нормальное русло и катилась по накатанной колее – новый фортель. Словно кому-то там наверху не понравилось его поведение, и этот кто-то решил одним движением изменить все. Задумавшись, Мишка не услышал, как в избу вошла тетка, и вздрогнул, когда услышал ее изумленный вздох. Он как раз делал очередное отжимание, когда Глафира, испуганно охнув, запримечала:

– Мишенька! Сынок! Да что ж это делается-то?! Тебе ж доктор сказал, лежать!

– Мама Глаша, уймись, – плавно поднимаясь, с улыбкой выдохнул Мишка. – Это я специально, чтобы кровь разогнать. Да и доктор сказал, что если не сильно, не особо напрягаясь, то можно.

– Ох, Мишенька. Поберегся бы ты. Ведь едва живой остался, – удрученно вздохнула женщина.

– Ну не всю же жизнь мне лежать, мама Глаша, – улыбнулся Мишка. – Вот начну ходить ровно – и крыльцом займусь. А то ступеньки сгнили давно. Так и до беды недалеко. Я, мама Глаша, потихоньку, не спеша. Помню, что доктор сказал, – попытался успокоить он женщину.

– Ох, смотри, сынок, – покачала та головой. – Сам думай. Взрослый ты у меня уже. Мужик, почитай.

– Вот потому и занялся гимнастикой, что мужик, – тут же нашелся Мишка. – Зима скоро, а у нас во дворе конь не валялся. Дров купить надо. Угля.

– За дрова я уже договорилась. С лесопилки две подводы бревен привезут, – поспешила успокоить его тетка.

– Этого мало. Все равно уголь нужен. Зима длинная, – упрямо качнул головой Мишка.

– Так дорого его покупать-то, – вздохнула Глафира.

– Не дороже денег, мама Глаша, – отмахнулся парень. – Есть у меня одна мыслишка, как это дело решить.

Он и вправду решил обратиться с этим вопросом к инже-

неру, сарай которого натворил столько бед. Уголь для депо все равно закупают, так почему бы и не приобрести его у того, кто этот самый уголь в депо и везет. Главное, чтобы инженер свел его с нужными людьми. Словно в ответ на его мысли, в дверь постучали и избу вошел инженер в сопровождении урядника и еще двух мужчин в каких-то мундирах. Удивленно глядя на эту делегацию, Мишка напрягся, не понимая, что происходит. Но чуйка, доверять которой он привык еще в армии, молчала.

– Здравствуй, Михаил, – откашлявшись, пробасил урядник, расправляя усы. – По делу мы к тебе. Вот, знакомься. Господа дознатчики, по делу, значит, в котором ты пострадал. Поговорить с тобой хотят.

– Милости просим, господа. Присаживайтесь. Спрашивают, – осторожно кивнул Мишка, усаживаясь на лавку.

Гости расселись, и один, помладше возрастом и с меньшими вензелями на странных кургуzych погонах, достал из портфеля какие-то бумаги. Старший, задумчиво осмотревшись, пожевал узкими, бескровными губами и, вздохнув, спросил:

– Вы готовы отвечать правду, молодой человек?

– Врать не приучен, ваше благородие, – пожал Мишка плечами.

– Что вы можете рассказать о моменте, когда случился взрыв?

– По существу ничего, – развел Мишка руками. – Когда рвануло, меня по голове приложило, и я сознания лишился.

А потом, когда очнулся, понял, что не помню ничего. Имя собственное с трудом вспомнил. В первый день даже мать не признал, — добавил он, кивая на тетку. — Это и доктор подтвердить может. Он как раз тут был.

— Странно вы как-то разговариваете, молодой человек, — насторожился старший дозначик. — То как крестьянин простой, а то как человек с образованием. С чего бы это?

— Если б я сам знал, — усмехнулся Мишка, лихорадочно продумывая дальнейшую линию поведения. — У меня после контузии разные странности начались. Это даже доктор заметил и пообещал бесплатно лечить меня, если я позволю ему себя наблюдать.

— Вот как?! Интересно, — вскинул брови дозначик. — Что ж. Продолжим. Вы вините господина инженера в своих бедах?

— Нет, — помолчав, решительно заявил Мишка. — Нет тут его вины. Скорее, тут против него умысел. Чтобы его виноватым сделать, а то и вообще убить. Да я господину уряднику это все уже рассказывал.

— А теперь нам расскажите, — не дрогнув, потребовал дозначик.

— Как прикажете, — вздохнул Мишка, собираясь с мыслями и вспоминая все, что успел наговорить уряднику. — Значит так. Господин инженер сказал, что собирал у себя в сарае дизельный двигатель. И топлива у него было всего одна ведерная канистра. Сам по себе двигатель взорваться не

может, потому как он железный. А ведро солярки *так* взорваться не может, – закончил он, голосом выделив ключевое слово. – Не то количество.

– А какое, по-вашему, количество дизеля нужно, чтобы добиться такого взрыва? – тут же последовал вопрос.

– Много. Цистерна примерно, – попробовал выкрутиться Мишка.

– И откуда у вас такие познания во взрывном деле?

– Так нет у меня серьезных познаний, – пожал Мишка плечами. – Я просто подумал, что если горсточка солярки просто загорается, то, когда ее много, полыхнуть должно серьезно. А много – это даже не бочка. Это цистерна. Да и не взорваться она должна, а загореться. А пожара, слава богу, не было.

– Это вы верно подметили. Не было, – задумчиво протянул дозначик, разглядывая его непонятым взглядом. – Что еще скажете?

– А что тут скажешь? – удивился Мишка. – Я тут на досуге подумал, как оно и с чего случиться могло, и показалось мне, что кто-то очень хотел от господина инженера избавиться. Или убить, или на каторгу, не суть, главное, отсюда убрать. И выходит, искать надо того, кому это было бы выгодно.

– Ищи, кому выгодно. Откуда такие познания, молодой человек? – тут же зацепился дозначик.

– Так я ж грамотный, ваше благородие. И газеты вон почитываю, и книжку иной раз полистаю. Если минутка сво-

бодная найдется.

– Да, урядник рассказывал, что вы необычный молодой человек, хотя знает он вас с самого детства.

– Это верно. Господин урядник меня еще пацаном сопливым помнит, – поспешил согласиться Мишка.

– А теперь расскажите, как повел себя господин инженер по отношению к вам и вашей семье, когда выяснилось, что вы пострадали, но живы?

– А как повел? Честно. И ружье мне отдал вместо разбитого, и денег уплатил за лечение и заработка потерю. Все честь по чести.

– И что он при этом говорил? – не унимался дознащик.

– Да, почитай, ничего и не говорил, – почесав в затылке, признался Мишка. – Дядька мой тут выступать начал, так господин урядник его осадил, а я уж решение принял, которое всех устроило. Все при Николае Аристарховиче было. Я на него и ссылался, как на человека от власти. Он свидетель, ему врать мундир не позволит.

– Да. Мундир, – задумчиво повторил дознащик, бросив на урядника быстрый взгляд.

Но полицейский, сидевший все это время на лавке, выпрямив спину и сложив руки на эфесе служебной сабли, даже усом не пошевелил. Взгляд его был устремлен в стену, словно куда-то за горизонт.

– Значит, претензий у вас к господину инженеру нет? – последовал очередной вопрос.

– А с чего бы им быть? – сделал вид, что удивился Мишка. – Я ж сказал, он все честь по чести сделал.

– Значит, жалобу в суд вы на него подавать не собираетесь? – продолжал допытываться дознащик.

– Нет. Говорю же. Чем больше думаю об этом деле, тем больше понимаю, что не все с ним так просто.

– Вынужден с вами согласиться, – задумчиво проворчал дознащик. – С этим делом и вправду все непросто. Скажите, а урядник ничего от вас не требовал? – вдруг спросил он.

– Вы это про что? – растерялся Мишка.

– Ну, не просил он вас, чтобы вы господина инженера выгораживать начали или жалоб не подавали? Или, может, пугал вас чем?

– Да господь с вами, господин хороший, – Мишка сделал вид, что возмущен до глубины души. – Николай Аристархович добрейшей души человек. И полицейский честный. Да и зачем бы ему господина инженера защищать?

– Чужая душа потемки, – вздохнул дознащик, поднимаясь с лавки.

* * *

Спустя еще неделю Мишка уже достаточно бодро шаркался по двору, то и дело орудуя различным инструментом. Отремонтировав крыльцо, он сменил колодезный сруб, после чего занялся крышей сарая. Тетка Глаша только охала и

причитала, заклиная его быть осторожнее, но Мишка, усмехаясь в ответ, неизменно повторял одно и то же:

— До зимы успеть надо.

Договорившись с соседом, он скатался с теткой на рынок к станции, где в десятке разных лавок закупил все потребное для долгой зимы. Точнее, занималась закупками тетка, он же с мрачным видом стоял рядом и вклинивался в разговор, когда замечал, что ее пытаются обмануть. Получилось все до смешного интересно. Взяв с полки банку с чаем, он повертел ее в руках, автоматически отметив про себя вес. Местная система измерений выводила его из себя. Все эти фунты и осьмушки просто бесили.

Так что Мишка решил просто понять для себя, сколько именно товара находится в данной упаковке. Подойдя к весам, он поставил банку на одну чашку и, выбрав подходящую гирьку, бросил ее на вторую чашку. Проверять он никого и не собирался. Мишке нужно было визуально запомнить, какая гирька сколько весит. Но, к его удивлению, гиря весила меньше банки с чаем, хотя на этикетке четко был пропечатан именно такой вес. Четверть фунта.

Удивленно хмыкнув, Мишка подхватил с чашки гирьку и уже целенаправленно принялся вертеть ее в руках. Заметив его манипуляции, приказчик, разбитной парень с прилизанным прямым пробором, в атласном жилете и хромовых сапогах со скрипом, бросил на прилавок платок, который крутил перед теткой, и рысью метнулся к парню, пытаясь выхватить

у него гирьку. Заметив его нервозность, Мишка чуть развернул корпус и, дождавшись, кода приказчик вытянет клешню, чтобы дотянуться до гирьки, перехватил его руку и, довернув корпус, взял ее на излом, с угрозой прошипев:

– Не балуй, покалечу.

– Пусти, аспид, – взвыл приказчик от боли в вывернутом под не естественным углом плече.

– Хозяин знает, что ты народ дуришь, или с ним делишься? – спросил Мишка, усиливая нажим.

– Не знает, – взвыл приказчик, вставая на цыпочки, чтобы уменьшить боль.

– Другие гирьки где? – не унимался Мишка.

– Под прилавком.

– Ладно, – выдохнул парень и, резким толчком откинув приказчика в сторону, отпустил его. – Ну, и что теперь делать будем? – спросил Мишка, глядя ему в глаза.

– А ничего ты мне не сделаешь, – зашипел в ответ приказчик. – Не докажешь. А с тобой, голытьба, мы еще посчитаемся.

– О как! Так может, прямо сейчас попробуешь, – презрительно усмехнулся Мишка, сжимая кулаки.

– Чего тут у тебя, Карпуха? – раздался хриплый голос и из подсобки вылез кряжистый мужик с длинными как у обезьяны руками, заросший по самые брови бородой цвета перца с солью, в холщовой рубахе и крепких парусиновых штанах.

На шее у мужика Мишка заметил длинный шрам, сбегав-

ший от подбородка под воротник на грудь. Сутулый, но явно очень сильный, мужик обвел лавку настороженным взглядом и, заметив, что приказчик держится за локоть, удивленно хмыкнул, покосившись на стоявшего у прилавка паренька.

– Чего бузишь, парень? – прохрипел он, мрачно сверкнув глазами.

– А не надо людей дурить, тогда и бузы не будет, – показал Мишка гирьку.

– То не твоего ума дело, парень. Отдай, – разом подобравшись, зарычал мужик.

– Отдай ему, Мишенька, – вдруг взмолилась тетка. – Это ж варнак каторжный, убьет.

– Не рискнет, – усмехнулся Мишка. – Это ж каторга пожизненная. Нет, здесь он меня убивать не станет. А дальше – как бог даст.

– Умный, – неожиданно оскалился мужик.

– Умный, – кивнул Мишка. – Так что, договариваться станем или шум поднимать?

– Чего хочешь? – подумав, спросил мужик.

– Три мешка муки, мешок соли и две коробки чая, – быстро перечислил Мишка.

– Много, – качнул варнак косматой головой.

– Шум вам дороже встанет.

– Думаешь, за горло нас взял? – помрачнел мужик.

– Нет. Но за наглость наказывать надо. И за глупость. Он

по глупости своей наглеть начал, а обнаглев, на меня в драку полез, хоть и не знает, кто я. Вот пусть и платит, – ответил Мишка, кивая на приказчика и не отводя взгляда от глаз мужика.

Одновременно с этой игрой в гляделки Мишка мысленно накачивал себя злостью, пытаясь взглядом показать противнику, что не боится его и готов драться. «Я зверь, я готов убить», – билось в мозгу парня. Спустя пару минут варнак не выдержал и, тряхнув головой, медленно отступил к прилавку, повернулся к приказчику и приказал:

– Дай, что сказано.

– Да как же это, Савва?! – взвыл тот. – Он же завтра опять придет.

– Не придет, – рыкнул мужик и, повернувшись, вопросительно посмотрел на Мишку.

– Не приду. Наказывают один раз, – кивнул ему Мишка.

– Дай, – отрезал варнак и тяжело затопал в подсобку.

– Телега перед лавкой. Загружай, – скомандовал Мишка. –

И не вздумай дерьмо всучить. Больше не прощу.

Вздрогнув от его тона, приказчик выскочил в подсобку, и спустя пару минут двое пропойного вида мужичков уже сгружали в телегу мешки с мукой и солью. Чай варнак вынес сам и, передавая его Мишке, тихо сказал:

– Шустрый ты парень. Рисковый. Мне такие нравятся. Сам таким был. Только теперь осторожен будь. Карпуха не простит.

– Ну, тут уж как бог даст. Я ведь тоже не пальцем деланный, – усмехнулся Мишка, забирая добычу.

– Человечья кровь не звериная. У нее вкус другой.

– Знаю. Пробовал, – коротко ответил Мишка, и варнак удивленно замер, глядя на него неверящим взглядом. – Тайга – она большая, и люди в ней разные встречаются. А я уже четыре года как один на промысел хожу.

– Ну, я сказал, а ты слышал, – кивнул мужик и, развернувшись, вернулся в лавку.

– Ох, Мишенька, что ж ты делаешь? Зачем было так рисковать? Это ж зверь лютый, – запричитала тетка, клещом вцепившись в Мишкин рукав.

– Зверь он, может, и зверь, да только умный, – усмехнулся в ответ парень. – Все, мама Глаша. Поехали дальше. И так полдня потеряли.

Полученные от инженера два рубля они потратили все, зато телега оказалась набитой почти под завязку. Перетаскав все купленное в подклеть, сарай и подпол, Мишка отогнал телегу обратно хозяину и с чувством выполненного долга вернулся домой. По словам тетки, зиму теперь они переживут без особого напряжения. А если учесть, что в следующем месяце от инженера будут получены еще деньги, то можно сказать, что беспокоиться не о чем.

Устало присев на лавку, Мишка прикрыл глаза, проигрывая в памяти все, что успел увидеть за день. Деревенька, в которой он оказался, притулилась к узловой железнодорож-

ной станции, где были депо, ремонтные мастерские и склады. Еще пара деревень растянулись вдоль железной дороги, и большая часть мужского населения всех этих деревень работала на станции. Кто грузчиками, кто мастерами в депо. За самой станцией начал разрастаться городок, в котором проживала состоятельная часть населения. Так сказать, элита местного разлива.

Верстах в семи выше по реке, протекавшей мимо станции, была еще угольная шахта, обеспечивавшая чугунку топливом. Там в основном трудились каторжники, но и местные не брезговали наниматься туда в зимний сезон, чтобы повысить благосостояние семьи.

Больше всего Мишку бесило то, что он никак не мог определить, где именно оказался. Все местные названия и ориентиры были для него китайской грамотой на японском языке. Очень не хватало хорошей карты, чтобы спокойно рассмотреть ее и определиться. В лавках, которые они сегодня посетили, даже книг толком не было, не то что карт.

Однако местная элита должна иметь возможность приобщаться к веяниям большого мира, а значит, где-то в городке обязательно должна быть лавка букиниста. Но переться туда просто так Мишке не хотелось. Для начала нужно было выяснить, а есть ли она, или все его измышления пустой звук. Но спрашивать об этом тетку было бесполезно. Неграмотная женщина и понятия не имела, что такое букинист. Значит, на эту тему нужно говорить с тем, кто имеет беспрепят-

ственный доступ в те места. Это или доктор, или инженер, или урядник. Последний даже предпочтительнее. К тому же в последнее время доктор стал заходить все реже. Осенняя дождливая погода и раскисшие деревенские улицы не располагали к прогулкам.

Шум в сенях отвлек Мишку от размышлений. В дверь что-то грохнуло, потом послышалась какая-то возня и тихий вскрик тетки. Вскочив, парень в два шага подскочил к двери и, резко распахнув ее, разглядел отвратную картину. Глафира, сжавшись в комок, лежала на полу, прикрывая голову руками, а над ней, сжав кулаки, стоял Трифон. Расхристанный, пьяный, готовый на все, лишь бы добиться желаемого.

Чувствуя, как перед глазами встает кровавая пелена от бешенства, Мишка взревел и, подпрыгнув, резко ударил пьяницу ногой в грудь, вышибая его на улицу. Слетев с крыльца, Трифон врезался головой в бревна, приготовленные на дрова, и, подхватив какой-то кол, вскочил, визжа и брызгая слюной, словно помешанный.

– Убью, пащенок! – вопил он, размахивая колом. – Зашибу, тварь!

Вскинув кол, он бросился на Мишку, норовя навернуть его по голове. Сбежав с крыльца, парень шагнул вперед и, выждав, когда дядька нанесет удар, шагнул в сторону, одновременно слегка разворачиваясь к нему лицом. В тот момент, когда кол просвистел мимо его многострадальной тушки, Мишка ударил. От всей души, так, как когда-то его учи-

ли. Жилистый кулак врезался Трифону в челюсть, и пьяницу просто подкинуло.

Выронив кол, тот рухнул на землю, моментально потеряв ориентацию в пространстве. Похоже, такого ответа он явно не ожидал и ни с чем подобным не сталкивался. Откинув кол ногой в сторону, Мишка ухватил дядьку за грудки и, вздернув на ноги, прорычал, тряся его, словно грязную тряпку:

– Еще раз посмеешь тронуть ее хоть пальцем, я тебе башку откручу. Понял меня, пьянь?

– Засужу, – прохрипел в ответ Трифон. – У мирового ответ держать будешь.

– Это что тут такое происходит? – слышался знакомый бас, и в калитку вошел урядник.

– Да вот, Николай Аристархович, – ответил Мишка, брезгливо отшвыривая жертву, – нажрался до свинского состояния и на маму Глашу с кулаками полез. Пришлось внушение провести. Кулаками.

– Давно пора, – скривился урядник, мрачно разглядывая притихшего Трифона. – Я тебе что говорил, Трифон? Давно в холодной не ночевал? Или решил, что если племян болеет, так за бабу и заступиться некому?

– Болеет он, – занял дядька. – Да он здоровее меня будет. Дерется так, что с одного удара и дух вон. Я, господин урядник, на него жалобу подавать буду, мировому.

– Ну-ну, подавай, – фыркнул урядник. – Посмотрю, что тебе судья скажет. Особливо ежели я на том суде буду. А я

туда обязательно приду, – многообещающе закончил он. – Надоел ты мне, Трифон. Никак не уймешься. Одно беспокойство от тебя.

– Чего это беспокойство? – делано возмутился дядька.

– А того, что шепутной ты. И меры не знаешь. Все люди как люди, выпьют свою плепорцию, и домой, спать, к бабе под бок. А ты все норовишь бузу какую устроить. Вон, племянника до греха довел. А ему еще драться-то рановато будет. Не ровен час опять занеможет? Ох, упеку я тебя, Трифон! Как бог свят, упеку!

– Простите, господин урядник, Христа ради, – тут же заныл дядька. – Куражу излишек вышел. Душа праздника просила, вот и не сдержался.

– Последний раз, Трифон. Еще раз бузу учинишь, и считай, что уже пошел кандалами греметь, – вздохнул урядник и величественным жестом отмахнулся от него.

Сообразив, что гроза миновала, Трифон ужом выскользнул со двора, моментально растворившись в осенних сумерках.

– Пройдите в дом, Николай Аристархович, я самовар спроворю, горячего попьем, – предложил Мишка, проводив его взглядом.

– Чай – это хорошо. Да и поговорить мне с тобой надо, – важно кивнул урядник, поднимаясь на крыльцо.

С хрустом откусывая от куска колотого сахара, размоченного в чашке с чаем, урядник прихлебывал круто заваренный напиток и задумчиво поглядывал на сидящего напротив парня. Допив очередную чашку, он аккуратно поставил ее на блюде и, помолчав, негромко сказал:

– Не знаю, что с тобой случилось, но изменился ты, Мишка. Сильно. Раньше все больше молчал да слушал. И от людей подальше держался. Если не на охоте, то вечно в депо пропадал. И ведь не работал. Только сидел в сторонке да смотрел, как люди работают. Внимательно так смотрел.

– Интересно было, – осторожно кивнул Мишка.

– То понятно. Но вот говорить ты стал совсем не так. Даже дозначик приметил. Словно ученый говоришь. Не грамотный, а ученый. Как будто где в городе учился.

– Вы это к чему, Николай Аристархович? – прямо спросил Мишка, подобравшись.

– Да вот смотрю на тебя и думаю: с виду вроде все тот же пацан, а в глаза глянешь, не пацан уже, а мужик взрослый. Умный, всякие виды выдавший.

– Так смерть, она крепко ума прибавляет, – пожал парень плечами.

– Это да. Но старше не делает. Тут еще кое-какие мелочи мелькали. Ты вот крыльцо починил, сарай перекрыл, а тот

Мишка к плотницкому делу особого рвения не имел. Так, по мелочи чего. А вот так, серьезно, и не пытался. Вот и думаю я, ты это или не ты? Честно скажи, Мишка.

– Ну и вопрос у вас, Николай Аристархович, – покачал парень головой. – Сами же говорите, что с виду все тот же Мишка. И как тогда может быть, чтобы тело одно, а дух другой? Вы честного ответа хотите? А мне вам и ответить нечего. Контузило меня крепко. Это вы и сами хорошо знаете. И то, что у меня до сих пор памяти нет, тоже. Да и доктор это завсегда подтвердить может. А что до умений ремесленных, так выходит, что я, на чужую работу глядя, учился. Так выходит.

– Возможно, – помолчав, кивнул урядник, расправляя усы. – А чего ты на Трифона кинулся? Раньше смотрел да по-малкивал. А тут метелить кинулся так, словно родную мать защищал.

– Так мама Глаша мне матерью и стала. Не дала в сиротском приюте сгинуть. Вырастила, выкормила. Теперь мой черед заботу явить. А Трифон ежели не уймется, может по пьяному делу в луже утонуть. Бывает такое.

– Вот-вот, и сейчас ты не тот Мишка, – встрепенулся урядник. – Тот Мишка за то, чтобы людскую кровь пролить, и не помыслил бы. А ты говоришь так, словно уже и делал такое.

Мишка невольно вздрогнул. Не справившись с эмоциями, он в очередной раз умудрился выдать себя. И тут не отделаешься сказочкой про драку в тайге. Раз уж потерял память,

так и нечего такие подробности про себя выдавать. Помолчав, он облокотился о стол и, уставившись взглядом в пустую чашку, еле слышно спросил:

– Николай Аристархович, чего вы опасаетесь? Неужто решили, что я для простых людей опасным стать могу? Спрашиваете, кто я? Так я теперь и сам не очень понимаю, кто я и чего умею. Одно только могу точно сказать. До тех пор, пока меня не трогают, я никого не трону.

– Тут вот еще что, – после долгого молчания произнес урядник, – Мишка раньше меня с людьми по следам беглых водил. Уж два года как лучший следопыт в округе. И тайгу знал так, что опытные мужики диву давались.

– Вот очухаюсь, сам в тайгу схожу, а там как бог даст. Если вспомню, как правильно по следу ходить, то милости прошу, а если нет, не обессудьте, – кивнул Мишка, решив играть роль до конца.

– Ну, даст бог, сложится, – кивнул урядник и, поднявшись, перекрестился с довольным видом, добавив: – А чай ты хорошо заваривать стал. Крепко. От души.

– Так хорошему человеку заваривал, – усмехнулся Мишка, понимая, что сейчас, за этим самым столом они заключили негласное соглашение.

Урядник догадывается, что с парнем что-то не так, но о своих подозрениях молчит. А он – живет тихо, не привлекая к себе внимания, и оказывает уряднику помощь в случае необходимости. Проводив полицейского, Мишка убрал

со стола и неожиданно понял, что не знает, куда подевалась тетка. Накинув армяк, он вышел во двор и, оглядевшись, прогулялся в огород. Но там никого не было. Почесав в затылке, Мишка заглянул в сарай и, к собственному недоумению, застал тетку тихо плачущей в дальнем углу.

Пробравшись к ней, он присел рядом на кадушку с квашеной капустой и, осторожно погладив женщину по плечу, тихо спросил:

– Мама Глаша, ты чего? Сильно попало? Где больно?

– Нет, сынок. Не больно. Он давно уже всю силу пропил. Не ударил даже, толкнул. Это я, корова бестолковая, на ногах не удержалась, – всхлипнув, ответила Глафира.

– Тогда чего плачешь? И чего здесь сидишь?

– Так уряднику с тобой поговорить надо было. А плачу... – Она вдруг улыбнулась, утирая мокрые щеки. – А бабе иногда надо всласть поплакать. Тогда и судьбина не такой горькой кажется.

– Мама Глаша, ты врать не умеешь, – не поверил Мишка.

– Это я от радости, – нехотя призналась женщина. – Вырос защитник. Я ж вдруг поняла, что теперь ему, ироду, ни в жизнь меня не тронуть. Я уж и не ждала, что сложится. А тут и мамой назвал, и защищать стал.

Она замолчала, снова залившись слезами. Окончательно сбитый с толку Мишка осторожно обнял женщину за плечи и, вздохнув, решил воздержаться от любых комментариев. На всякий случай. И так наворотил за эти дни столько, что и

за год не разгрести. Дав женщине успокоиться, Мишкаглянул в открытую дверь сарая и уже собрался предложить ей вернуться в дом, когда его желудок вдруг выдал длинную голодную руладу. Услышав это урчание, Глафира вскинулась и, охнув, засуетилась, ругая себя на все лады:

– От же курица глупая, нюни распустила! Сыночек, да ты ж у меня голодный. Сейчас, хороший мой. Пошли в дом.

Растерявшись от этого напора, Мишка покорно последовал за ней в избу, где женщина тут же развила бурную деятельность. Спустя примерно полчаса он с аппетитом уплетал пшеничную кашу, заправленную кусочками сала. Поужинав, парень, сыто отдуваясь, вышел на крыльцо, попутно отметив про себя, что у печки почти нет дров. Минут через десять, когда все съеденное немного улеглось, он вернулся в дом и, прихватив корзину, снова вышел во двор.

Ко всему прочему выяснилось, что колотых дров почти нет. Взяв колун, Мишка пристроил на колоду полено и, хекнув, одним ударом развалил его пополам. Расколов обе половинки еще пополам, он сложил поленья в корзину и потянулся за следующей чуркой, когда краем глаза заметил у калитки странную фигуру. Резко выпрямившись, Мишка воткнул колун в колоду и, развернувшись, всмотрелся в странного посетителя. Увидев, что его заметили, неизвестный призывно махнул рукой и отступил в сторону.

Недоуменно хмыкнув, Мишка вышел со двора, на всякий случай внимательно осмотревшись. Увидев неизвестного за

кустом черемухи, он подошел поближе, стараясь держаться так, чтобы между мужиком и ним было не меньше метра. Незнакомый откинул капюшон брезентового дождевика и, усмехнувшись, хрипло сказал:

– Сторожишься? Это правильно. Да только не того сторожишься.

– Вот уж кого не ожидал увидеть, так это тебя, Савва, – растерянно проворчал Мишка, не веря своим глазам.

– Я же сказал, люблю таких, шустрых. Беречься тебе надо, парень. Карп злобу затаил. Ты его гешефт раскрыл. И если купец узнает, он такого места уже не найдет. Купцу имя дорого. Карп двоих пришлых сговорил, чтобы встретили тебя.

– Видать, хорошо ты по стране погулял, если словечки из идиша пользуешь, – не удержался Мишка. – А тебе-то что до того. Ты же сам в той лавке служишь.

– Я у купца служу. Лавку и склад охраняю. Купец терять начнет, и я потеряю. А что до словечек, так я одесский грек, – усмехнулся варнак. – А вот откуда ты за это знаешь?

– Земля круглая, люди разные встречаются. И не скажи мне, что я хочу быть умнее одесского раввина, – не удержавшись, закончил Мишка, добавив известного акцента.

В ответ раздалось странное сиплое карканье. Удивленно глядя на него, Мишка вдруг понял, что Савва смеется. Вспомнив про рваный шрам, парень понял, что оружие, которым он был нанесен, задело голосовые связки, отсюда и странный голос, и еще более странный смех. Больше все-

го эти звуки напоминали карканье простуженного ворона. Успокоившись, Савва огладил бороду и, качнув косматой головой, протянул:

– Непрост ты, парень. Ох, непрост. Ну, оно и хорошо. Я сказал, ты слышал. Умному достаточно.

– А дурака и за руку от беды не уведешь, – кивнул в ответ Мишка. – Благодарствую, Савва. Я запомню.

– Выживи сначала, потом будешь за долги вспоминать, – фыркнул варнак и, развернувшись, скрылся в сумерках.

Вернувшись во двор, Мишка быстро наколот дров на утро и, взяв корзину в дом, отправился к рукомойнику. Тетка, уже успевшая помыть посуду, сидела у окна под лучиной и, еле слышно что-то напевая, сучила шерсть. Глянув на эту лубочную пастораль, Мишка усмехнулся про себя и, оглядевшись, скривился. При таком освещении недолго и без зрения остаться. Усевшись на свою лежанку, он принялся вспоминать, когда примерно начали появляться керосиновые лампы и как сильно они были распространены.

Убедившись, что ничего толкового вспомнить не может, парень вздохнул и, пересев к столу, принялся рисовать лампу на газетном краю, кусочком угля. Карандашей в доме давно уже не было, благодаря дядьке. Удивленно посмотрев на его художество, Глафира недоуменно покачала головой и, не удержавшись, спросила:

– Сынок, а это чего такое?

– Вот думаю, как толковую лампу сделать, чтобы в доме

светло было, – проворчал Мишка.

– Так маслице к той лампе больно дорого встанет, – вздохнула женщина.

– Угу, и воняет оно сильно. Придется к инженеру сходить, посоветоваться.

– Да бог с тобой, Мишенька. Станет господин инженер с тобой разговоры вести. Он человек ученый. А мы?

– Станет, мама Глаша, – усмехнулся Мишка. – Если бы не я, греметь бы тому инженеру кандалами. Так что станет.

– Ну, тебе виднее, – растерянно отозвалась Глафира. – А про что ты спросить-то хочешь?

– А про лампы керосиновые. Делают их или нет.

– Это что ж за чудо такое. Керосиновое? – не поняла Глафира.

– Ох, мама Глаша, как бы тебе это объяснить, – растерялся Мишка. – Вот есть газолин, который в машинах используют, а есть керосин. Его в лампы заливают. А делают их из одной и той же жидкости, нефти. Ее еще кровь земли называют. Или земляное масло. А вот скажи мне, мама Глаша, а чем в господских домах комнаты освещают?

– Так свечами, – развела женщина руками.

– Это сколько ж воску надо, чтобы столько домов осветить?

– Так на станции еще проводами какими-то светят, – подумав, выдала Глафира.

– О как! На станции электричество есть? – подскочил

Мишка, забывшись.

— Мишенька, ты б сходил туда сам, — с жалостью глядя на него, ответила женщина. — Ты ж мне сам про те провода и рассказывал. Запомнил?

— Вот же... — едва не выругавшись, скривился Мишка, проклиная себя за бестолковость.

И чего было голову ломать, если с первого взгляда понятно, что центром сбора всех достижений местного технического прогресса являются станция и депо. Именно там, в мастерских, применяется все то, чего достиг прогресс. И чтобы не вызывать недоумения у окружающих, нужно просто выбраться из дома и прогуляться по окрестностям. Именно это и запланировал на утро Мишка, решив не ломать себе мозги.

Еще раз, оглядевшись и убедившись, что делать до утра совершенно нечего, он прошел в свой закуток и, раздевшись, нырнул под одеяло. Повернувшись носом к стенке, парень закрыл глаза и, отбросив решение всех проблем на утро, спокойно уснул.

* * *

Разбудил его настырный вопль петуха, принявшегося орать под самым окном. Покосившись в едва сереющее окошко, Мишка вздохнул и, усевшись, тихо проворчал:

— Да чтоб из тебя суп сварили, горлопан.

Сунув ноги в кожаные поршни, он накинул овчинную без-

рукавку и поплелся в уборную. Сбросив давление, Мишка остановился на крыльце и, несколько раз вдохнув прохладный, сырой, но такой чистый воздух, в очередной раз удивился, как умудрялся существовать в том своем старом мире. Ведь здесь, в деревне, воздух был насыщен запахами леса, прелой хвои, реки, земли, и еще сотней других запахов, смешивавшихся в непередаваемый и такой вкусный коктейль.

Тряхнув головой, Мишка хотел уже вернуться в избу, когда взгляд его упал на странное сооружение, чем-то напоминавшее вольер для собак. Задумчиво оглядев этот загон, он сошел с крыльца и, подойдя поближе, принялся осматривать его. Несколько клочков линялой шерсти убедили парня в правильности его выводов. У него была собака. И, судя по размеру вольера, не одна. Сразу возник вопрос: куда их дели?

Задумчиво почесав в затылке, Мишка решил задать этот вопрос тетке. Если кто и знает, как тут все было, то только она. Пройдя в дом, Мишка осторожно, чтобы не разбудить тетку, прошел к своей лежанке, но, как оказалось, все его усилия были напрасны. Привычная вскакивать с первыми петухами Глафира проснулась и, едва увидев бродящего по избе парня, с ходу всполошилась:

– Мишенька, ты чего вскочил ни свет ни заря, сынок? Болит чего? – запричитала она.

– Нет, мама Глаша. До ветру ходил, – нашелся Мишка. – А сама чего не спишь?

– Так утро уже. Корову доить пора. Ты ложись, поспи еще. А я пока коровку подою, молочка нацежу. А потом тебе свеженького, парного принесу.

– Да, пожалуй, полежу еще, – прислушавшись к своему организму, кивнул Мишка.

Голова еще иногда кружилась от резких перемещений. Приподняв подушку, он улегся на лежанку и, прикрыв глаза, принялся вспоминать, что еще собирался сделать и о чем забыл. Дождавшись, когда тетка вернется в дом, Мишка с благодарным кивком принял у нее кружку парного молока с толстым ломтем хлеба и, жуя, спросил:

– Мама Глаша, а собаки мои куда подевались? Были же собаки.

– Так Трифон свел, – удрученно вздохнула женщина. – Обоих и свел. Да ты неужто вспомнил чего?

– Нет. Загон для них рассмотрел и понял, что были, – вздохнул Мишка.

Врать этой доброй заботливой женщине не хотелось, но и правды сказать он не мог.

– Значит, две лайки было? – уточнил парень, прихлебывая молоко.

– Две. Кобеля ты у соседа за две беличьих шкурки взял, а сучку у хантов на порох выменял. Говорил, что от них настоящих охотничьих собак получишь. А Трифон свел. Заезжему какому-то продал, а деньги пропил. Тот три дня тебя уговаривал, а он подслушал и продал.

– Вот, значит, как, – мрачно протянул Мишка. – Я в дом, а он из дома. Да еще и хлебом меня попрекать смеет.

– Бог с тобой, Мишенька, не держи сердца. Слабый он человек. Прости, – еле слышно проговорила Глафира.

– Крови его на моих руках не будет, мама Глаша, не бойся. Но простить не смогу. Не проси, – взяв себя в руки, выдохнул Мишка. – Ладно. Мне нужно сегодня в депо сходить да к инженеру наведаться. Так что скоро не жди. Когда там смена начинается? – спросил он, поднимаясь.

– Да куда ж ты сорвался?! – снова запричитала женщина. – Едва в себя пришел – и снова в бега.

– Зима на носу, мама Глаша. Угля закупить надо, – напомнил Мишка, одеваясь. – Так когда смена начнется?

– А вот как гудок подадут, так и смена, – вздохнула тетка.

– Ага. Значит, спешить некуда, – сообразил парень. – Ты это, мама Глаша, сама по дому посмотри, чтобы ирод этот ничего из обновок не нашел, да приberi их. А мне, пожалуй, на сундук замок купить надо. Не хватало, чтобы он еще и ружья пропил. Тогда точно по миру пойдем.

– А ты и вправду изменился, Мишенька, – вдруг произнесла, задумчиво рассматривая его, Глафира. – Настоящим хозяином стал. Не беспокойся. Все приберу.

– Вот и ладно, – улыбнулся ей Мишка. – Пойду тогда.

Одевшись, он вышел из дома и не спеша направился в сторону железной дороги. Найти депо труда не составляло. Почти все мужское население деревни, за небольшим исключе-

нием, двигалось в ту же сторону. Перейдя через пути, Мишка добрался до ворот депо и остановился в сторонке, пропуская рабочих. Искать знакомых бывшего владельца этого тела, при этом не зная, кто они такие, было глупостью. Так что предстояло решить, с кем именно можно завязать конструктивный разговор. К тому же еще предстояло выяснить, где можно найти инженера.

Но, к его облегчению, рядом остановился немолодой жилистый мужик с седой бородой и, удивленно оглядев парня, спросил:

– Ты чего застыл, Мишаня? Ищешь кого?

– Вы простите, дяденька, но я после того взрыва не помню ничего. Вот и имени вашего не припоминаю, – осторожно проговорил Мишка, внимательно рассматривая мужика.

– Степан Кондратьич я. Бригадир. Неужто и вправду не помнишь ничего? – представившись, уточнил тот.

– Нет. В первые дни даже тетку родную не признавал, – удрученно вздохнул Мишка, пытаясь не переигрывать.

– Вон оно как... – протянул мужик. – Слышал я, что с головой у тебя беда. Но не знал, что так вот.

– Да с головой-то как раз нормально. А вот с памятью, и вправду беда, – поддакнул Мишка. – А где тут теперь ремонтные мастерские?

– Да где и были. Вон за тем пакгаузом, – ткнул мужик пальцем.

– Благодарствую. А где бы мне господина инженера най-

ти?

– А это тебе в правление надо. Да только он сейчас, небось, по цехам ходит. И в правление тебя просто так не пустят. Так что ступай в ремонтный, там и подожди. Сам прибежит, если на перегон не уедет, – посоветовал дядька.

– Благодарствую, Степан Кондратьич, – кивнул Мишка, решив последовать совету, но бригадир удержал его, спросив:

– А ты чего от него хотел-то? Может, я помогу?

– Может, и так, – подумав, кивнул Мишка. – Хотел я его попросить свести меня с возчиками, что уголь на склад возят. Зима скоро, а на складе уголь больно дорого встанет. Вот я и подумал, что у них может дешевле будет.

– Хитер, – одобрительно усмехнулся бригадир. – На складе уголь по семи копеек за пуд отдают, а ты, небось, за пятак сговориться хочешь.

– Так вы ж сами знаете, Степан Кондратьич, дядька у меня пьющий, а я после болезни. Откуда деньгам-то взяться? – развел Мишка руками, пуская сиротскую слезу.

– Это да, – скривился бригадир, оглаживая бороду. – Трифон совсем уже совесть потерял. Вроде неплохим человеком был, а сгубила его водка. Да и многих так. Ладно, парень. Раз уж сложилось так, сам тебя с нужным человеком сведу. За мной ступай.

Развернувшись, мужик резво зашагал куда-то к окраине станции. Мишка, не ожидавший такого результата, поспе-

шил следом, попутно лихорадочно припоминая цены этого времени. По всему выходило, что экономия в две копейки это серьезный выигрыш. Между тем бригадир вывел его к угольным складам и, резко остановившись, внимательно осмотрелся. Заметив нужного человека, он усмехнулся и вдруг, пронзительно свистнув, жестом позвал его к себе.

Судя по одежде, это был один из возчиков, перевозивших уголь с шахты на станцию. Молодой, сутуловатый и чем-то неуловимо напоминавший самого бригадира.

– Я к тебе по делу, Васятка, – с ходу заявил бригадир. – Мишку ты знаешь. Так вот, беда у него. После взрыва памяти совсем лишился. Даже меня не признал. Так что, в тайге ему пока делать нечего, а зима скоро уже. Так что, уголь ему на зиму нужен.

– Так это на склад надо, – начал было возчик.

– Васятка, – с угрозой протянул бригадир. – Совесть имей.

– Так а чего сразу я, дядя Степан? – делано возмутился возчик.

– Совесть, говорю, имей. Когда у него же сига свежего брал, небось благодарил, а как теперь помочь надо, так забыл все? – буквально зарычал бригадир на возчика.

– Да не, я это... – смутился тот. – Все знают, что на складе оформлять надо.

– По пятаку за пуд привезешь. И смотри, узнаю, что не сделал, пожалеешь, – рыкнул бригадир. – Запомни, Васятка, он охотник, каких поискать. С таким соседом в ладу жить

надо. Сам с голоду не помрет и другим не даст. Забыл уже, как пути в третьем годе занесло и вся станция на одной рыбе месяц жила? А откуда та рыба взялась? Вот и думай.

– Сделаю, дядя Степан, – еще больше смутившись, кивнул возчик. – Сколько брать-то будешь? – повернулся он к Мишке.

– Сколько в подводу берешь? – осторожно уточнил Мишка.

– Посуху десять пудов. Уголь весь в корзинах. Так что, сразу разгружать придется.

– А если дожди? – быстро просил Мишка.

– В дождь не более шести пудов грузим. Сам знаешь, по хляби лошадке много не вытянуть, – вздохнул Васятка.

– Это верно, – кивнул Мишка. – Значит так. Три подводы по десять пудов. Ну, или как там получится. В общем, мне тридцать пудов надо.

– Добро, – подумав, кивнул Васятка. – Деньги готовь. По пятаку за пуд.

– Будет. А когда ждать-то тебя?

– По подводе в день привезу. Первую сегодня жди, – подумав и что-то прикинув, ответил возчик.

– Вот и слава богу, – кивнул Мишка. – Благодарствую, Степан Кондратьич.

– Не за что, Мишаня. Я добро помню, – кивнул в ответ тот и, заметив растерянный взгляд парня, добавил: – Когда Анютка моя простыла, я только у тебя медвежьим жиром и

разжился. А ты за ним к хантам в стойбище ходил. Никто не рискнул, а ты пошел.

– Так ведь соседи, дядя Степан, – только и нашелся что ответить Мишка.

– Вот и я за то, – кивнул бригадир. – Смотри, Васятка, чтоб все честь по чести было, – добавил он и, развернувшись, быстро зашагал к цехам.

– Ты это, Миш, – смущенно затоптавшись, проговорил Васятка. – К обеду дома будь. С деньгами. И место для разгрузки приготовь. Нам быстро обернуться надо будет.

– Сейчас пойду. Дома ждать буду, – пообещал Мишка.

Кивнув, возчик тяжело затопал обратно к складу. Посмотрев ему вслед, Мишка вдруг сообразил, что забыл уточнить у тетки, есть ли в доме вообще деньги. Ведь если нет, придется бежать обратно на станцию и срочно искать инженера, чтобы выпросить у него нужные полтора рубля. С этой мыслью, в очередной раз обругав себя болваном, Мишка поспешил обратно. Он с самого начала стал замечать за собой странности, которых раньше не было.

То язык развязывался сам собой, а то из головы выскакивали самые простые вещи. Да к тому же еще новое тело все никак не желало полностью подчиняться новому сознанию. Он регулярно замечал за собой некоторую нескоординированность некоторых движений. Особенно, если приходилось действовать не осмысленно, а на рефлексах. Реакция и точность движений у бывшего владельца были отличными, но

несовпадение габаритов и физической силы иногда приводили к казусам.

То же самое иногда случалось и при беседах. Покрутив эту проблему со всех сторон, Мишка пришел к выводу, что все дело в юношеском гормональном взрыве. Припомнив самого себя в подростковом возрасте, он только ухмыльнулся и хмыкнул. Мозгов там вообще не было. Думал чем угодно, только не головой. А значит, этот период нужно просто перетерпеть и постоянно контролировать каждый свой шаг. Урядник говорил, что раньше парень был молчаливым и нелюдимым. Выходит, нужно плавно возвращаться к прежним параметрам. С этими мыслями Мишка вошел во двор.

* * *

Внимательные серые глаза настороженно следили за каждым движением копошившегося в сарае парня. Вот уже два часа они сидели в разросшихся кустах бузины, ожидая, когда он наконец решит выйти на улицу. Морозящий дождь не мешал. Наоборот, в такую погоду было проще. Но парень словно назло продолжал заниматься своими делами, даже не делая такой попытки. Испустив очередной вздох, наблюдатель осторожно развернулся и, кутаясь в старенький ватник, еле слышно проворчал:

- С такого расстояния я бы его одним выстрелом снял.
- С ума сошел?! – возмутился сидевший рядом человек

в таком же ватнике и неопрятного вида треухе. – Нас потом всей деревней ловить начнут. А тут половина охотники. Да еще и ханты в трех верстах по реке встали. От тех вообще не оторвемся.

– Потому и не стреляю, – буркнул в ответ первый. – Но ждать надоело, сил нет. И зачем ты вообще согласился?

– А жрать дальше что станем? – огрызнулся второй. – Слышал же, как я с тем приказчиком за продукты и одежду договаривался.

– Вот именно. Лучше бы деньгами взял, – фыркнул первый.

– Недаром тебя всегда считали глупым, – усмехнулся второй.

– Это кто так говорил?! – едва не в полный голос зашипел второй.

– Неважно. Важно то, что они были правы, – ответил первый, презрительно усмехнувшись. – Ну, получил бы ты деньги, а дальше что? Пошел бы в соседнюю лавку, закупать нужное? И сразу же попался бы на глаза местным властям. Ну или сами хозяева лавки бы донесли. А в тайге лавок нет. Да и медведю деньги без надобности. Нет, я все правильно сделал. Отработаем ублюдка, получим свое, и в путь. Вдоль железки. А там, глядишь, и подходящий состав подвернется.

– Если твой заказчик сам же тебя полиции не сдаст, – не сумел промолчать второй. – Еще, небось, и премию за это отхватит.

– А кто сказал, что я его живым отпущу? Нет уж. Он единственный, кто нас к этому делу пристегнуть сможет. Получим сказанное и в расход его.

– Еще один труп? Тебе и вправду кровь что вода, – удивленно покачал головой второй.

– Было бы кого жалеть. Вор и быдло. Для нашего дела это совершенно неподходящий материал, – отмахнулся первый. – Нам главное до столицы добраться. А там товарищи помогут. За границу уедем, пока тут все успокоится.

– На какие шиши? Не помню, чтобы тебе внезапно умершая тетушка наследство оставила.

– Ты и вправду глуп. На кой мне тетушка, если по тайге куча всяких старательских артелей золотишко моют. Здесь отработаем и поближе к обжитым местам переберемся. А до того пару мест проверим.

– Хочешь сказать, что у тебя и на поселки старательские наводка есть? – не поверил второй.

– И не одна, – кивнул первый, раздуваясь от самодовольства. – Помнишь, нам на пересылке в камеру одного варнака сунули? Его еще врач местный пользовал.

– Это которого рысь порвала?

– Он самый. Так вот, пока ты там перед быдлом разглагольствовал, пытаясь им наши идеи привить, я с тем варнаком и пообщался. Так вот, он как раз мне про те поселки и поведал. А рысь его порвала, когда он от старателей уходил. Золотишко-то он взял, да только не знал, что старателей

там больше будет. Вот они за ним в погоню и пустились. Он следы запутал, а сам на рысье гнездо нарвался, когда место искал, где золото спрятать. А в том гнезде у нее детеныши были. Вот она его и порвала. Ну а потом уже и погоня подошла. Так он на каторгу и отправился.

– История! Странно, что на месте не убили, – удивленно протянул второй.

– Там полиция была, для охраны.

– Откуда в тайге полиция?

– Промышленник нанял, чтобы добытое золото до банка свезти. Даже рабочим своим не доверял.

– Мироед, – скривился второй.

– А ты как думал?

– Так что делать станем? Может, и вправду... – Второй откинул полу ватника, показывая приятелю рукоять унтер-офицерского револьвера «смит-вессон» со стремящем под скобой спускового крючка под средний палец.

– Не дури. Шум нам совсем не нужен.

– Так сил же уже нет сидеть тут. Да и жрать хочется.

– Угу. Это ты верно подметил. Жрать и вправду хочется.

Что там, во дворе? Народу много шатается?

– Нет никого, – ответил второй, быстро приподнявшись и заглядывая через штакетник. – Баба одна прошла в калитку. А этот один возится. Мужик еще утром мелькнул, и не было больше никого. И у соседей тихо.

– Пару штакетин аккуратно выломать сможешь? Только

без шума.

— Это запросто, — хищно усмехнувшись, завозился второй, прикладываясь к штакетнику.

В их компании он всегда считался силовиком, тогда как его напарник и старый приятель отвечал за мозговую деятельность их действий. Сильные жилистые руки быстро раскачали несколько штакетин забора, и спустя несколько минут две одинаково одетые тени проскользнули во двор, притаившись под стеной коровника.

Между тем парень, за которыми они пришли, продолжал заниматься обычными крестьянскими делами. Прибрав подворье, он перешел к поленнице и, подхватив колун, взялся за колку дров. Глядя, как толстые чурки разваливаются под резкими сильными ударами топора, приятели задумчиво переглянулись. Справиться с жилистым плечистым пареньком теперь не казалось такой уж простой задачей. Впрочем, бывало и хуже. Едва слышно выдохнув эти слова, второй выскользнул из-за угла и, аккуратно переставляя ноги, принялся подбираться к жертве.

Он уже почти подошел к парню вплотную, когда тот, нагнувшись за очередной чуркой, вдруг резко развернулся и швырнул ее в лицо нападавшему. Не ожидавший подобной выходки мужчина, получив в лицо увесистое полено, не удержался на ногах и, негромко вскрикнув, рухнул на спину. Шедший следом за ним напарник растерянно замер, пытаясь понять, что произошло, но уже в следующую секунду в го-

лову ему прилетел колун.

Парень, недолго думая, попросту швырнул его во второго противника и тут же развернулся к первому, уже начавшему подниматься на ноги. Подхватив еще одно полено, он с ходу опустил его на голову мужчине и тут же, развернувшись, ринулся к следующему.

Не ожидавшие такого активного сопротивления, нападавшие растерялись. Теперь, когда все пошло не так, как они планировали, им пришлось выступать каждому за себя. Парень же продолжал метаться между пришельцами, охаживая их поленом. Более привычный к рукопашным схваткам второй сумел сориентироваться и, подставляя под удары локти, несколько пришел в себя. Первому было гораздо хуже. Ударивший его в левую часть лба колун содрал с головы кожу, и кровь полностью залила глаз. А несколько ударов поленом едва не лишили сознания. Второй, успев откатиться в сторону, вскочил на ноги и, утирая рукавом лицо, прохрипел:

– Ну, все, мразь. Теперь ты труп.

С этими словами он выхватил из-за пояса револьвер и попытался взвести курок. Моментально сообразив, чем ему это грозит, парень швырнул в противника полено и ринулся в атаку. Тяжелая деревяшка ударила противника в грудь, и тот едва не выронил оружие, а когда снова взял его правильно, парень вдруг оказался рядом. Не ожидавший от крестьянского паренька такой прыти убийца в очередной раз растерялся. В следующее мгновение жилистый кулак парня раз-

бил ему гортань. Хрипя и задыхаясь, второй начал медленно оседать наземь. Следующий удар пришелся ему в висок.

Не останавливаясь, парень подскочил к пытающемуся подняться первому и, приседая, нанес еще один удар ребром ладони в основание черепа. Стоявший на четвереньках человек подставил шею под удар, и парень не упустил своего шанса.

Отдышавшись, Мишаня быстро огляделся и, убедившись, что драки никто не видел, присел и приложил пальцы к шее убитого. Убедившись, что теперь это только тело, он быстро обыскал труп и, еще раз оглядевшись, перешел ко второму нападавшему. Тут тоже все было кончено. Обыскав второе тело, парень сложил все найденное на земле и, почесав в затылке, задумчиво хмыкнул. Несколько ржаных сухарей, дюжина патронов к револьверу, пара сточенных ножей – вот и вся добыча.

Немного подумав, парень собрал все патроны и, отойдя за сарай, ссыпал их в траву. Потом, вернувшись к месту драки, он еще раз внимательно осмотрел место происшествия и, подцепив сам револьвер носком поршня, ловким пинком отправил его под дрова.

– Найдут – значит найдут. А нет – моя удача, – тихо проворчал парень, выходя со двора и набирая полную грудь воздуха.

Его пронзительный крик всполошил всю деревню. Уже спустя пять минут местные кумушки принялись шнырять со

двора на двор, а вдоль забора, где все случилось, начала собираться толпа. Спустя еще минут сорок, во двор величественно прошествовал урядник и, грозно осмотревшись, густым басом спросил, расправляя роскошные усы:

– Ну что у тебя, Мишка, тут опять приключилось?

– Так вот, Николай Аристархович, сами гляньте. Варнаки совсем обнаглели, уже прямо у честных людей на подворье свои дела темные решают.

– Хочешь сказать, что это они друг друга так? – удивился урядник.

– Да бог с вами, господин урядник. Ну не я же с ними дрался, – развел Мишка руками, всем своим видом выражая полное недоумение таким предположением. – Куда мне сейчас драться-то? Да еще с двумя.

– Вот это меня и удивляет, – пробасил урядник, окидывая парня задумчивым взглядом. – А сам ты где был, пока они тут дрались?

– Так вон, в сарае затаился. Нам сегодня уголь привезли, вот я там и копошился. Пересыпал, чтобы место побольше освободить. А тут слышу, возня какая-то, удары. Высунулся, а тут такое. Тот с поленом, а этот с колуном, – продолжил он, пальцем указывая на тела. – Куда мне против них с одной лопатой, и та деревянная? Вот я и затаился. А когда кончилось все, вылез, осмотрелся, понял, что поубивали друг друга, и давай народ звать.

– Да уж, с лопатой тут никак, – задумчиво вздохнул уряд-

ник, осматривая тела.

«Знал бы ты, что можно хорошей штыковой лопатой натворить. Особенно если она хорошо наточена», – мелькнула у Мишки мысль, вызвав мимолетную усмешку.

– Ты чего ухмыляешься, Мишка? – грозно спросил урядник, насторожившись.

– Так радуюсь, Николай Аристархович. Второй раз костлявая рядышком прошла и не задела.

– Господин урядник, посмотрите, – растолкав зевак, во двор ввалился рядовой полицейский, размахивавший какими-то бумагами.

Тяжело выпрямившись, урядник забрал у него бумаги и, не спеша пролистав их, хмыкнул, расправляя усы:

– И вправду повезло тебе, парень, – проворчал он, отдавая бумаги своему подчиненному. – Беглые это. По ним розыск уже три месяца как объявлен. Даже награда за указание, где находятся, имеется.

– Так это что же, мне теперь та награда и отойдет? – сделал вид, что обрадовался Мишка.

– Ну, тут еще посмотреть, подумать надо, – забасил урядник, то и дело бросая на парня многозначительный взгляд.

– А награда-то большая? – сообразил спросить Мишка.

– Большая. Червонец на ассигнации от генерал-губернатора будет. Потому как каторжники эти особо опасные. Политические.

Услышав про деньги, народ за забором заметно оживил-

ся, негромко обсуждая сумму награды. Понимая, что нужно что-то срочно предпринимать, Мишка, заметив, что рядовой полицейский принялся собирать улики, быстро прошел вперед и, указывая на окровавленное полено, громко сказал:

– Господин полицейский, вы и полено это прихватите. Не хочу кровь варначью в дом нести. А вам для дела пригодится. – И, оказавшись рядом с урядником, еле слышно добавил: – Вы, Николай Аристархович, посодействуйте в получении премии, а за мной дело не встанет. Отблагодарю.

В ответ тот лишь едва заметно усмехнулся в усы и слегка прикрыл глаза, давая понять, что все услышал.

– Ну, – откашлявшись, громко проговорил урядник, – тут мне все понятно. Варнаки эти чегось промеж себя не поделили. Вот и закончилось все смертоубийством. Так что премия за обнаружение особо опасных каторжников тебе причитаться должна. Честь по чести. Так начальству и доложу. Думаю, через недельку ответ и получим. Показания я с тебя снял. За телами приедут скоро. Я из больницы телегу уже вызвал. Более нам тут делать нечего, так что заканчивайте, и пошли, – последняя фраза предназначалась двум полицейским, продолжавшим осматривать место происшествия.

Словно в ответ на его слова, у ворот остановилась телега, и Мишка бросился открывать. Спустя еще двадцать минут о случившемся напоминала только кровавая лужа на земле. Подхватив лопату, Мишка срезал испоганенный кусок земли и, отнеся его за отхожее место, отправился в дом.

Спустя неделю после всего случившегося Мишка, спешно приводивший в порядок изрядно запущенный двор, в очередной раз увидел у калитки знакомую фигуру. Парень усмехнулся про себя, еле слышно буркнув под нос: «Вот так и рождаются легенды». Отложив грабли, он вышел в калитку и быстро осмотревшись, направился к облетевшему кусту черемухи. Человек в брезентовом дождевике плавно развернулся, и Мишка, рассмотрев знакомую бороду, усмехнулся:

– Зашел слухи проверить?

– И это тоже, – усмехнулся в ответ Савва. – Признаться, не ожидал, что справишься. Видать, не врал, когда про кровь говорил.

– А с чего врать-то? – пожал Мишка плечами. – Жизнь штука хитрая, рано или поздно любую ложь сама наружу выведет. Так чего хотел-то?

– Спросить кое-что хочу, – помолчав, выдохнул Савва. – Говорят, ты тайгу лучше всех в округе знаешь. Верно?

– Раньше было. А сейчас и не скажу. Контузило меня. Памяти лишился, – коротко поведал ему о своей беде парень.

– Слышал, – кивнул Савва. – Выходит, не врали люди.

– А с чего им врать?

– А то не знаешь. Скажешь слово, а оно по базару пролетит и к тебе байкой вернется.

– И так бывает. А что у тебя за нужда в тайге?

– Золотишко, – коротко буркнул Савва. – Уехать хочу. Домой. Двадцать лет дома родного не видел. А пустым возвращаться... сам понимаешь, лишний рот. Так что скажешь? Есть на реке такие места, чтобы золота без крови взять? Самому намыть.

– Самому? – задумчиво переспросил Мишка. – Вспоминать надо. В тайгу идти. Да и поздно ты решился. Зима на носу, какое тут уже старание?

– Знаю, что поздно. Да видишь, как нас судьба свела, – развел Савва руками.

– В тайгу идти надо. По весне. Как снег сойдет. Там, может, чего и вспомню. Но тогда придется на месте заимку ставить и почитай на все лето пропасть. Лодка хорошая нужна.

– Зачем? – моментально насторожился Савва.

– А ты что, хочешь, чтобы вся округа сразу узнала, что ты там золото моешь? А так... Рыбы наловить да насолить, зверя на мясо добыть – в общем, обычным промыслом дело прикрыть. Что скажешь?

– Тут ты прав. Мне лишний шум ни к чему. Я ведь под запретом живу, – криво усмехнулся бывший каторжник.

Услышав последнюю фразу, Мишка принялся судорожно вспоминать, что бы это значило. Спустя минуту размышлений ему вдруг вспомнился один старый фильм, где известному революционеру перечисляли, в каких губерниях ему запрещено появляться и проживать. Сообразив, что означает

жить под запретом, он только кивнул, не найдя что ответить. Внимательно наблюдавший за ним каторжник чуть качнул головой, задумчиво проворчав:

– Откуда ж ты такой грамотный взялся?

– Из тех же ворот, что и весь народ, – фыркнул Мишка в ответ раньше, чем успел сообразить, что несет.

– Ох, шустер, – вдруг закаркал Савва. – Да еще и ловок, бес. С таким ухо остро держать надо.

– Я, Савва, врагов не ищу, но и обид не прощаю, – глядя ему в глаза, негромко ответил Мишка. – Ежели со мной честно, то и я правдой отвечу. Ну а если кто дурное задумает, тут уж как бог даст.

– Слушаю тебя, парень, и словно с кем благородным говорю, – покачал Савва головой. – Но слова твои я запомню. Так что скажешь? Возьмешь по весне с собой?

– До весны еще дожить надо.

– Не веришь? – вдруг насупился бывший каторжник.

– Тут не в вере дело, – мотнул Мишка головой. – У меня тут, сам видишь, что ни день, то новые приключения. Мне бы и вправду до весны спокойно дожить да здоровье поправить. А там, если сложится, сходим.

– Ты вот что, – помолчав, вдруг сказал Савва. – Если кто из наших бывших вдруг объявится, сам не вяжись. Мне скажи. Савву тут все знают. Я разберусь.

– Ты уж прости, Савва, но со своими бедами я привык сам справляться. Но за слова добрые благодарствую. Запомню.

– Ну, сам смотри. Я сказал, а ты услышал, – кивнул Савва и, развернувшись, растворился в пелене моросящего дождя.

– Умному достаточно, – тихо проворчал Мишка ему вслед.

Вернувшись во двор, он снова принялся за прерванное занятие, прокручивая в голове этот странный разговор. Верить каторжнику, хоть и бывшему, который двадцать лет мечтает вернуться домой, было сложно. Ради исполнения своей мечты такой человек запросто проломит напарнику голову, чтобы не делиться добытым. Но с другой стороны, с таким напарником за встречи в тайге с беглыми можно не беспокоиться. Да и как рабочая сила он подходит. Недаром же купец держит его как сторожа при своих лабазах. В общем, думать надо. Крепко.

С этими мыслями Мишка, сообразив, что дождь усиливается, прибрал грабли в сарай и направился в дом. Скрип колес и конский топот заставили его остановиться на крыльце и удивленно посмотреть в сторону ворот. Крытая бричка, влекомая молодой соловой кобылкой, остановилась, и из нее выглянула знакомая усатая физиономия урядника. Увидев парня, он усмехнулся и, не вылезая, пробасил:

– Мишка, собирайся быстро. Оденься получше. Как в церковь. К городскому голове поедem.

– Это еще зачем? – растерялся Мишка от такого приглашения.

– Премию тебе вручать станет. Сказал, хочет сам на тебя

посмотреть. Собирайся.

– Сей момент буду, – кивнул Мишка, ныряя в дом.

О том, что вопрос с премией решится так быстро, он и не мечтал. Помня, что при местных расстояниях и средствах связи все решалось не спеша, он был просто поражен скоростью принятого решения. Достав из сундука чистые штаны, рубаху, Мишка быстро переоделся и, обмахнув сапоги чистой тряпицей, поспешил к бричке. Волосы, вместо шапки, он повязал кожаным шнурком. Одобрительно крикнув, урядник жестом указал ему на сиденье рядом с собой и, дождавшись, когда парень усядется, тряхнул поводьями.

Кобылка встряхнула гривой и резво покатила бричку в сторону чистой части поселка. Оглядывая новые для себя места, Мишка не удержался и, повернувшись, тихо спросил:

– Не расскажете, Николай Аристархович, с чего вдруг дело так быстро решилось? Я не раньше чем через месяц ждал.

– Голова решил своей властью тебя премировать. Бумага о награде есть, так что ему только исполнить нужно было. А деньги от генерал-губернатора потом в казну поселка вернут.

– Ну, вроде все верно, – задумчиво протянул Мишка.

– Да ты не беспокойся. Все честь по чести. Это ж не простые варнаки были. Политические. Самый зловредный элемент. Моя б воля, всех бы к стенке поставил, – закончил урядник, воинственно встряхнув пудовым кулаком.

Лошадиные подковы зацокали громче, и Мишка, к своему изумлению, вдруг увидел, что едут они по самой насто-

ящей брусчатке. Выглянув наружу, он принялся с интересом рассматривать солидные купеческие дома, по большей части двухэтажные, с резными наличниками и такими же ставнями, на каменных фундаментах. В таком же стиле было построено здание городской управы. Подкатив к крыльцу, урядник привязал поводья к коновязи и, расправив усы, жестом указал Мишке на двери.

Поднявшись на второй этаж, он провел парня длинным коридором и, постучавшись, толкнул широкие двустворчатые двери. Шагнув в зал, урядник вытянулся во фрунт и, откозыряв, доложил:

– Господин майор, указанная вами личность доставлена.

– Да бог с вами, урядник. Доставляют подозреваемых, а тут, можно сказать, местный герой, – вальяжно отмахнулся заметно поддатый полицейский чин. – Ну-с, где он там?

Вместо ответа урядник вытолкнул Мишку вперед, от избытка усердия едва не закинув его на середину большого стола, вокруг которого стояло человек восемь. Очевидно, представители местной элиты. Делая вид, что робеет, Мишка заложил руки за спину и опустил взгляд. «Осталось только ножкой шаркнуть», – усмехнулся парень про себя.

– Не робей, герой. Двух политических каторжников не испугался, а тут робеешь, – усмехнулся майор и, подойдя, хлопнул его по плечу. – Охотник?

– Так точно, ваше благородие, – негромко буркнул Мишка, не понимая, что делать дальше.

– Осмелюсь доложить, ваше превосходительство, охотник, да еще и один из лучших, – забасил урядник. – Следопыт, каких поискать. Было дело, меня и моих людей по следам беглых водил. И точно знаю, что один на медведя ходит, из оружия только ружье да нож имеа.

– Силен, – одобрительно кивнул майор. – Молодец. Ну да ладно, Иван Сергеевич, не станем смущать героя. Сразу видно, ему в тайге спокойнее, чем в кабинетах наших.

– Пожалуй, вы правы, господин майор, – с улыбкой кивнул пожилой господин с роскошными бакенбардами и, выложив на стол какую-то бумагу, велел: – Подойдите сюда, юноша. Надеюсь, вы грамотны?

– Так точно, ваше высокопревосходительство, – кивнул Мишка, быстро подходя к столу.

– Вот и прекрасно. Вот тут тогда распишитесь и извольте получить. Все как в приказе генерал-губернатора: десять рублей на ассигнации, – закончил голова, выкладывая на стол радужную бумажку.

Подхватив протянутое перо, Мишка кое-как расписался в указанном месте и, аккуратно положив перо на стол, накрыл купюру ладонью.

– Благодарствую, ваше высокопревосходительство, – нашелся парень, неловко склонив голову.

Уж чему-чему, а кланяться его никогда не учили.

– Силен, – снова рассмеялся майор. – Сразу видно – охотник. От медведя не бегал и кланяться толком не умеет.

– Так где ж ему этому учиться было? – мелко рассмеялся городской голова, вписывая Мишкину неловкость на смущение и дикость.

– Говоришь, по следам беглых людей моих водил? – не унимался майор, обращаясь непонятно к кому.

– Точно так, ваше благородие, – моментально нашелся урядник. – Лучший следопыт во всем поселке был.

– А чего вдруг был? – удивился голова.

– Так это, – стушевался урядник, – контузило ж его. Ну, когда у господина инженера казус случился.

– А-а, это, – скривился голова.

– Ну, даст бог, поправишься, – нашелся майор. – А это лично от меня, за смелость и умения, – закончил он, доставая из бумажника купюру в три рубля. – Прими, братец, на лечение.

– Благодарствую, ваше благородие, – Мишка заставил себя снова поклониться. – Дозвольте идти?

– Ступай, братец, – милостиво кивнул голова.

Уже за дверью Мишка услышал, как городской голова вдруг поинтересовался, почему Мишка был без шапки, на что майор со знанием дела поведал, что в тайге шапка только мешает и промысловики носят их только зимой.

«Много ты знаешь, пьянь», – фыркнул про себя Мишка.

Спустившись к бричке, парень остановился и принялся задумчиво оглядывать небольшую площадь. Вышедший следом за ним урядник, расправив усы, устало спросил:

– Ты чего высматриваешь, Мишка?

– Смотрю, где тут у них книги продают. Раз уж оказия случилась сюда попасть. Да еще и с деньгами.

– Вон, возле булочной, лавка букиниста стоит, – небрежно кивнул урядник в нужную сторону.

– Николай Аристархович, вы меня не обождете несколько минут? – решившись, спросил Мишка. – Я сейчас в ту лавку загляну, а потом в булочную. Там пряников да калачей возьмем и поедем ко мне чай пить.

– Ты никак решил книжек купить? – удивился урядник.

– Карту посмотреть хочу, – не стал скрываться Мишка.

– Какую еще карту? – удивился урядник.

– Да хоть какую. Я уж не знаю, с чего начать, чтобы память себе вернуть, – подпустил сиротскую слезу Мишка.

– М-да, ну, пошли, посмотрим, что у тебя получится, – крикнув, согласился урядник.

* * *

– А вы уверены, молодой человек, что понимаете, как правильно читать карту? – с заметной ехидцей поинтересовался пожилой мужчина в круглых очках. – И вообще понимаете, что это такое?

Мерцающий свет свечной лампы отбрасывал странные блики на его голой как коленка голове.

– Ну, я уж как-нибудь, – буркнул Мишка, едва сдержива-

ясь, чтобы не нахамить.

«Ты карту толковую покажи, а там я тебя удивлю до полного офигения», – подумал он.

– Ну-ну, – снова ухмыльнулся дедок и выложил на прилавок солидный фолиант. – Извольте-с, юноша.

– Благодарствую, сударь, – прошипел сквозь зубы Мишка, аккуратно откидывая тяжелую обложку.

Предложенный стариком атлас и правда для текущего времени был отличного качества. Точно прорисованные границы государств, дороги и даже изгибы рек. Перевернув фолиант, Мишка раскрыл последнюю страницу и понимающе вздохнул. Атлас был изготовлен во Франции. Быстро пролистнув несколько страниц, он буквально впился взглядом в европейскую часть страны и едва не выкрикнул: «Не мой мир!» Эта мысль была в его мозгу набатом.

– Ты чего, Мишка? – вдруг раздалось над ухом.

– А? Нет, ничего. Голова закружилась, – прохрипел парень осипшим горлом.

– То-то я смотрю, побелел весь.

– Так что, молодой человек, вы увидели, что искали? – не унимался дедок.

– Нет. Это французский атлас. А мне бы хотелось взглянуть на генштабовскую трехверстку местных земель, – не сумел удержаться Мишка, повергнув старика в изумление такими познаниями.

– Это, простите, где же вы такую карту видели? – насто-

рожился тот.

– А у землеустроителей, – нашелся парень и поспешил свернуть разговор. – Пойдемте, Николай Аристархович. Домой пора. Да и отдышаться мне нужно. Что-то и вправду плохоело. Благодарствую, сударь.

С этими словами он вышел из лавки и, прислонившись у входа к стене, сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоиться. Но перед глазами все еще стояла карта европейской части России, да и всей Европы. Самые приметные границы государств были другими. К примеру, та же Италия здесь выглядела не сапогом, а толстым аппендиксом, ко-со прилепленным к материку. Британские острова являлись бесформенной кляксой, а пролива Босфор вообще не было. Вместо него была только условная граница, проведенная на воде.

Вышедший следом за ним урядник откашлялся и негромко прогудел, словно шмель-переросток:

– Так ты чего искал-то, Мишка?

– Ничего, Николай Аристархович. Просто ищу, что поможет память вернуть. Да, видать, не судьба пока, – вздохнул парень. – Ладно. Бог с ним. Пойдемте в булочную. Хочу к чаю всякого купить, тетушку порадовать. Да и мы с вами заслужили, – добавил он, лукаво усмехнувшись.

– Гм, ну, так-то оно да, – несколько смутившись, степенно кивнул урядник.

Едва переступив порог булочной, Мишка едва не захлеб-

нулся слюной. Запах свежайшей выпечки, корицы, ванили и других специй едва не лишили его остатков разума. Оставив у дородной продавщицы почти полтора рубля и набрав полную сумку всяких вкусностей, Мишка усилием воли заставил себя прекратить этот разврат и, рассчитавшись, вышел на улицу, неся холщовую сумку словно величайшую ценность.

К его удаче, эти сумки продавали здесь же, в лавке. Больше всего они напоминали обычную суму, но закрывались широким клапаном, что позволяло донести до дому выпечку еще теплой. Погрузившись в бричку, Мишка поставил сумку на колени и, невольно приносясь к источаемым ею запахам, покосился на усаживающегося рядом урядника.

– И правда славно пахнет, – буркнул тот, кивнув на сумку.

– Так свежайшее ведь, Николай Аристархович. Вы погодите. Успеть бы самовар спроворить, пока не остыло.

– Тоже верно, – усмехнулся урядник, тряхнув поводьями.

Спустя полчаса Мишка быстро расставлял на столе посуду, раскладывая покупки. Полуведерный самовар уже всюду пытел на крыльце. Урядник, сняв шинель и повесив портупею с саблей и револьвером на гвоздик, торжественно восседал за столом, одобрительно наблюдая, как суетится парень. Наконец, водрузив самовар на стол и залив свежую заварку кипятком из него, Мишка остановился и, достав из кармана пятерку, протянул ее полицейскому.

– Извольте, Николай Аристархович. Вы ко мне с добром,

и я к вам со всем своим уважением. Примите.

– Гм, так тут бы трешки хватило, – расправляя усы, негромко ответил урядник, бросив на парня быстрый взгляд.

– Не в этом случае, Николай Аристархович. Без вас я бы ничего не получил. Так что половина премии ваша. Это честно, – решительно ответил Мишка, положив деньги на стол.

– Умен ты, Мишка. Не по годам умен, – одобрительно кивнул урядник, убирая деньги в нагрудный карман кителя. – Вот уж не думал, что ты таким станешь. А ведь рос волчонок волчонком.

– Так сами знаете, как мы жили, – вздохнул Мишка. – Это сейчас я почти в силу вошел, и могу Трифона окоротить. А тогда... – Парень махнул рукой, испустив тяжелый вздох.

– Это да, – крикнул урядник. – Ладно. Коли так, то ты, Мишка, знай: ко мне ты всегда с любым делом прийти можешь, если нужда какая будет. Вижу, парень ты умный и ерунды не попросишь. Случись нужда, сначала ко мне ступай. Разберемся. Да и так заходи запросто. А про дядьку своего не думай – ежели чего, я его быстро окорочу. Он у меня давно на примете.

– Благодарствую, Николай Аристархович, – улыбнулся Мишка, наливая ему чай в большую глиняную кружку.

Другой посуды в доме не было. Задумчиво оглядев стол, Мишка снова вздохнул и, указывая на него рукой, извиняющимся тоном произнес:

– Вы уж не обессудьте, Николай Аристархович, да сами

знаете, другой посуды в доме и нет.

– Невелика печаль, – отмахнулся урядник, откусывая от калача изрядный кусок. – Было бы что есть, а уж из чего – дело десятое. Я ж не всегда в полиции служил. Было время, сам с артелью по тайге ходил. И уголь копали, и золото мыли. Всякое было. Бывалоча, и сухой хлебной корочке рад. Да, всякое было. На то она и молодость.

«Ого! Похоже, наш мудрый толстячок по жизни погулял неслабо», – подумал Мишка, подвигая к нему тарелку с пряниками.

– Это верно, – поддакнул он вслух, ожидая продолжения.

– Вот потому и говорю, ты прежде чем дело какое удумать, сначала ко мне приди, посоветуйся. Я ж вижу, что и в тайгу ты сам ходить не просто так стал, и за дело любое хватаешься. Все хочешь из бедности вырваться да тетку свою вытянуть. Это правильное дело, доброе. Да только помню я, что по молодости хочется всего да побыстрее. Потому и хочу тебя от глупости уберечь. Ты помни, Глафира без тебя недолго протянет.

– Это я всегда помню, – кивнул Мишка, скрипнув зубами.

– Вот и правильно, – одобрительно кивнул урядник. – А посуду ты теперь и сам купить можешь. Завтра сам с тобой в лавку схожу, там все и купишь, – пообещал урядник, изрядно подобрев от съеденного.

Выдув три больших чашки чая и съев изрядное количество выпечки, он откинулся к стене и, утирая вспотевшее

лицо огромным платком, одобрительно проворчал:

– Уважил, Мишка. И чай добрый заварил, и угостил от души. Уважил. Ладно, пора мне. Нужно еще в околоток заглянуть, глянуть, как там что.

Поднявшись, он крепко хлопнул Мишку по плечу и, отойдя к дверям, принялся не спеша одеваться. Застегнув портупею и поправив кобуру, он в очередной раз расправил усы и, хлопнув себя по пузу, усмехнулся:

– Ну, мир дому сему. Благодарствую, Мишаня. И вправду добрый хозяин вырос. А про слова мои не забывай. Я кому попало такого не обещаю, сам понимаешь.

– Благодарствую, Николай Аристархович, не забуду, – улыбнулся Мишка, слегка склонив голову.

Тяжело согнувшись, урядник вышел. Мишка, понимая, что роль нужно отыграть до конца, вышел следом за ним и, проводив до брички, вежливо попрощался. Проводив бричку взглядом, он оглянулся на дом и только теперь сообразил, что с самого утра не видел тетку. Словно услышав его мысли, та возникла у калитки как будто из ниоткуда.

– Мама Глаша, ты где пропала? – удивленно заинтересовался Мишка.

– Так пряжу продавала да шерсти еще купила. Все какая копеечка, – грустно улыбнулась в ответ женщина.

– Что, опять этот ирод у тебя все отнял? – спросил Мишка, начиная свирепеть.

– Да бог с тобой, Мишенька. Я его уже второй день не ви-

жу, – отмахнулась тетка. – Нам с тобой зимовать еще. Благо, ты сумел и дров и угля купить, так хоть мерзнуть не будем. Солонины бы еще купить, да где на нее денег взять.

– Нашла беду, – усмехнулся Мишка. – Вот, держи, – добавил он, протягивая ей шесть рублей рублевыми ассигнациями.

– Пресвятая Богородица! Это откуда ж такое богатство?! – ахнула Глафира.

– Премию от генерал-губернатора выдали за тех беглых. Прибери пока. Завтра с тобой опять на торг поедем. И солонины закупим, и еще чего нужного.

– Так остальное вроде есть все, – насторожилась женщина.

– Не все. Люди в доме бывают, а нам даже чаем их угостить не из чего. Кружки глиняные, словно у голи перекаточной, – не сдержался Мишка. – погоди. А раньше мы тоже солонину закупали, или как?

– Не помнишь? – сочувственно спросила Глафира. – Нет, Мишенька. Уж вот как третий год твоими силами и лосятину, и кабанятину сами солили. А иной раз и медвежатина бывала. И марала ты, бывало, приносил.

– Понятно, – скривившись, вздохнул Мишка. – Делать нечего. Придется нам в этом году за солонину деньги платить.

– Ничего, Мишенька. Не грусти, перезимуем, – ласково погладив его по плечу, устало улыбнулась Глафира. – В леднике и рыба соленая есть, и репа, и другое с огорода. Пере-

живем.

– Переживем, мама Глаша. Еще и как люди жить станем, – встряхнувшись, пообещал Мишка, вспомнив свой разговор с бывшим каторжником. – Но чашки для чая все равно завтра купим.

– Как скажешь, Мишенька. Ты теперь хозяин в доме, – улыбнулась женщина, вдруг упираясь лбом ему в плечо. – Дождалась, дожила, спасибо Пресвятой Богородице.

– Ох, за этими разговорами забыл совсем, – встрепнулся Мишка. – Пошли в дом скорее. Я там вкусного всякого купил к чаю. Пошли в дом. Сейчас чай пить с тобой будем.

– Мишенька. Да что ж ты сразу за чай? Поесть же нормально надо, – всполошилась женщина.

– Ничего, мама Глаша. Один раз можно, – рассмеялся Мишка, обнимая ее за плечи.

Разогрев самовар, он уселся за стол и принялся рассказывать ей все, что случилось с ним за этот долгий день. Слушая его, Глафира то и дело охала, всплескивала руками и заливисто хохотала. Услышав, что за помощь Мишка отдал уряднику целых пять рублей, она тяжело вздохнула и, покачивая головой, проворчала:

– Мироед толстый. Брюхо наел, а совести так и не нажил.

– Уймись, мама Глаша, – отмахнулся Мишка. – Без него вообще бы ничего не получили. А так, худо-бедно, а хорошие деньги в руках.

– Тоже верно, – вздохнула Глафира. – А и вправду, чего

это я своим бабьим умом в мужские дела лезу. Твоя премия, тебе и решать.

– Перестань, мама Глаша, – скривился Мишка. – Не надо так.

– Правду я говорю, Мишенька. Было время, я за тебя решала, а теперь пришло твое время. Теперь ты хозяин, – грустно улыбнулась Глафира. – Вырос защитник.

– Вырос, мама Глаша. И никому тебя в обиду не дам, – тихо пообещал Мишка, сглотнув вставший в горле ком. – Завтра у соседа телегу возьму, и поедем, закупим всего, чего на зиму не хватает. Заодно и припасов для охоты доберу.

– Да ты никак в тайгу собрался? – вскинулась женщина.

– Нет, мама Глаша. Рано еще. Да и сезон закончился. Теперь только если по первотропу, – улыбнулся Мишка. – Вот как первый снег ляжет, так и можно будет сходить. – Заодно и к хантам схожу. Придется у них еще одного щенка покупать. Без собаки и охота не охота.

– Придержал бы ты мечты, Мишенька, – осторожно осадила его тетка. – Сам знаешь, человек предполагает, а Бог располагает.

– Это верно, – понимающе вздохнул Мишка. – Ну да ладно. Там видно будет. Ты не знаешь, куда Трифон делся? Не нравится мне такая тишина. От него любой пакости ждать можно.

– Не надо так, сынок. Неплохой он человек. Слабый только, – вздохнула Глафира.

– К водке он слаб. А за водкой никогда ума не было, – отмахнулся Мишка. – Так где он может быть?

– Да не иначе, как в угольную артель подался. Он всегда туда ходит, когда на выпивку денег нет. Они там вроде как сами брагу какую-то гонят. Начальство запрещает, да куда там...

– Сам не работает и другим мешает, – фыркнул Мишка, припоминая, что в той артели работали в основном бывшие каторжники.

* * *

Осеннее солнышко позолотило редкие пожелтелые листья, что еще не успели облететь с деревьев, и причудливыми зайчиками засверкало в лужах. Напившись чаю, Мишка сходил к соседу и, одолжив у него телегу с лошадью, вернулся к дому. Глафира, уже одетая и успевшая достать из своего тайника деньги, ждала его на крыльце. Вообще с этим транспортным средством у Мишки все было одновременно и просто, и сложно.

Сам он лошадей только в парках видел, но стоило только ему войти в конюшню, задумавшись о чем-то своем, как руки тут же начинали жить своей жизнью. Словно где-то на самой периферии сознания всплывали все ранее нажитые знания прежнего хозяина. Так что с уздой и управлением сложностей не возникало. В этот раз Мишка специально отвлек-

ся на подсчеты имеющихся в запасе боеприпасов и отстраненно наблюдал, как его руки запрягали немолодую каурую кобылу. С этой животиной, судя по всему, у него давно уже сложились добрые отношения. Кобыла смирно выходила из стойла и с удовольствием хрумкала крепко просоленной горбушкой, которую он специально брал с собой.

Усадив Глафиру на передок, Мишка уселся рядом и, тряхнув поводьями, направил телегу на торговую площадь. Название было громким, а на самом деле – полтора десятка лавок и несколько прилавков, где народ торговал всякой всячиной. Там же был выстроен невысокий помост, с которого оглашали важные государственные указы. В памяти Мишки всплыло название: «лобное место».

Но так ли оно называлось здесь и сейчас, он не знал, так что, не рискуя, называл площадь просто торгом. Он вообще старался не использовать специфические словечки. Ну, когда получалось. Была суббота, и народ из церкви тянулся на площадь. Людей посмотреть и себя показать. Подогнав телегу к коновязи, Мишка привязал лошадь и, подхватив Глафиру под руку, негромко скомандовал:

– Мама Глаша, ты тут лучше все знаешь. Так что смотри, где и что нам нужно, а я торговаться стану. О, давай-ка вон там пройдем. С урядником поздороваемся, – добавил он, заметив знакомую шарообразную фигуру, вальяжно прохаживавшуюся по рядам.

Увидев парня с матерью, урядник расправил усы и, до-

ждавшись приветствия, ответил:

– И ты здравствуй, Глафира. Что, Мишаня, решил тетке помочь?

– А как иначе-то, Николай Аристархович? Она хозяйка в доме. Кому как не ей знать, чего в доме не хватает, – нашелся Мишка. – Тут мое дело малое. Принести, подать да выгоду соблюсти, – намекнул он на вчерашнее обещание.

– Это верно, – с достоинством кивнул урядник. – А чего прикупить решили?

– Так это, солонины бы нам. На зиму, – пролепетала Глафира, заметно робея перед властью.

– А! Это вам вон туда. К купцу Никанорову в лавку. У него самая солонина добрая. Сам беру, – ответил урядник, подбородком указал он в нужную сторону. – Пошли, сам с вами пройду, – закончил он, усмехнувшись в усы и едва заметно подмигивая Мишке.

– Спаси Христос, Николай Аристархович, – улыбнулся в ответ Мишка, осторожно направляя движение тетки.

Спустя несколько минут они стояли среди мясных туш, окороков и бочонков с солониной. Едва завидев урядника, купец ловко оттер в сторону своего приказчика и, степенно поклонившись, спросил, оглаживая бороду:

– Ищете чего, господин урядник, или так зашли, посмотреть?

– И посмотреть, и покупателей к тебе привел, Ефрем Тимофеевич. Вот, знакомься. Это, значит, Михаил. Почитай,

лучший охотник в деревне. А это тетка его, Глафира. Ну, про взрыв в белом городе ты знаешь. Вот там Мишку и контузило. Так что пока охотиться он не может. А тут зима на носу. Вот и зашли они к тебе за припасом.

— Как же, наслышан, — окинув Мишку внимательным взглядом, кивнул купец. — Что ж, смотрите, выбирайте. А там посмотрим, — указал он вокруг.

У Мишки сложилось стойкое убеждение, что, едваглянув, купец уже точно знал, сколько у него денег и где они лежат. Урядник же, многозначительно кашлянув, негромко добавил:

— Ефрем Тимофеевич, Мишка, пока здоров был, помогал мне изрядно. Так что ты не обидь сироту.

При этом взгляд урядника стал неожиданно колючим. Явно не ожидавший такого купец, заметно смутившись, огладил бороду и, покосившись на Мишку, кивнул:

— Не извольте беспокоиться, господин урядник. Все сделаю честь по чести.

Кивнув, урядник вышел из лавки. Проводив его взглядом, купец неопределенно хмыкнул и, вздохнув, спросил, поворачиваясь к странным покупателям:

— Так чего ищете, почтенные?

— Солонины всякой мясной на зиму, Ефрем Тимофеевич, — вступил Мишка в разговор. — А уж сколько, тут от цены зависит.

— Со мной пошли, — решив что-то для себя после недол-

того молчания, позвал купец.

Выведя их на склад, он прошел в середину рядов товара и, похлопывая ладонью по бочонкам, принялся пояснять:

– Тут у нас говядина, тут свинина. А тут дичина всякая. И сохатина есть, и кабанятина. Первое по семидесяти копеек с бочонка вам встанет, а остальное по пятидесяти. Дешевле, извиняйте, не могу.

Вспомнив, что в лавке те же товары стояли в среднем по полтора рубля, Мишка быстро кивнул и, не обращая внимания на растерянню замершую тетку, ответил:

– По три бочонка сохатины и кабанятины. Нам на двоих должно хватить, – повернулся он к тетке.

– Да бог с тобой, Мишенька, нам столько и не съесть. А в леднике еще и рыба есть, что ты наловить успел.

«Вот ведь...» – мысленно скривился Мишка, но купец только усмехнулся:

– Много – не мало. Куда сгружать?

– У коновязи телега стоит. Я отведу, – кивнул Мишка.

Два мужичка быстро закинули купленный товар с тачку и, следуя указаниям Глафиры, покатали ее к телеге. Мишка, отдавая купцу деньги, еще раз окинул склад быстрым взглядом и, убедившись, что бочонки им сгрузили не из общей массы, тихо спросил:

– Не сочтите за обиду, Ефрем Тимофеевич, а чего не отсюда грузить стали? Или с мясом что не так?

– Солонина свежая, этого года. А оттуда сгрузили, потому

что в том углу я для особых гостей товар держу. Урядник ведь не просто так с тобой приходил. Так что не беспокойся. Доволен останешься, — уверенно заявил купец.

— Спаси Христос, Ефрем Тимофеевич. Не забуду милость вашу, — кивнул Мишка, глядя купцу в глаза.

— Благодарствую. Не забудь уряднику сказать, что сделано все было, как обещано, — кивнул купец.

— Не извольте беспокоиться. Все как есть скажу, — нашелся Мишка. — За этим дело не станет.

Выйдя из лавки, он быстрым шагом добрался до телеги и, выдав каждому из грузчиков по медной полушке, повернулся к тетке:

— Ну что, мама Глаша, теперь посиди тут, в телеге, а я по своим делам пробегусь.

— Как скажешь, Мишенька, — растерянно кивнула женщина, явно пораженная их удачей.

Убедившись, что телега и товар под присмотром, парень быстро огляделся и помчался в лавку, где торговали всякой посудой. К его удивлению, урядник уже был тут. Делая вид, что рассматривает товар, толстяк то и дело бросал на парня короткие внимательные взгляды. Усмехнувшись про себя, Мишка подошел к прилавку и, оглядев ровные ряды чайных сервизов, спросил у молодой дебелой продавщицы с румянцем во всю щеку:

— Хозяюшка, мне бы чайник заварной да четыре комплекта чашек. Найдется у вас?

– А деньги-то у тебя есть, чаевник? – иронично хмыкнула деваха.

– За деньги не переживай. Найдешь товар, найдется и оплата, – усмехнулся в ответ Мишка.

– Бери сервиз. Чайник и шесть чашек с блюдцами. Два рубля все удовольствие, – указала продавщица на расписанный петухами сервиз.

– Не дороговато загибаешь, красавишна? Два рубля за комплект – это уж совсем не по-божески, – запустил Мишка пробный шар торга.

– А ты тут особо-то не твякай, – вдруг раздалось откуда-то из подсобки. – Сказано тебе: два рубля, плати и забирай. А нет, так выметайся.

– Это кто там такой смелый? Ленька, ты что ли? – вдруг забасил урядник.

– Ой, – слышалось из подсобки, и в лавку выглянул молодой, лохматый парень. – Простите, господин урядник, не видел, что вы зашли. Да и не вам я это все...

– Покупателям дерзишь? Или тебе его деньги не деньги? – насл на него урядник.

– Так какой же он покупатель, ваше благородие? Голь перекатная, – попытался отговориться то ли приказчик, то ли еще какой приближенный к хозяину.

– А вот за голь я тебе, душонка торговая, уши бантиком на затылке завяжу, – зарычал Мишка, чувствуя, что начинает звереть.

– Погодь, Мишка, – осадил его урядник. – Ты, Ленька, хоть и дослужился до приказчика, а ума так и не нажил. Придется мне самому с хозяином твоим поговорить. А пока пошли, Мишка, отсюда. Не умеют выгоду свою блюсти, пускай голодными сидят, – скомандовал он и, круто развернувшись, направился к выходу.

Услышав про хозяина, девка испуганно ойкнула, огромными глазами рассматривая набычившегося Мишку.

– Твое счастье, упырь, – прошипел парень, выходя.

– Проваливай, пока не выкинули, – попытался оставить последнее слово за собой приказчик, но все впечатление смазлось: под конец фразы он пустил петуха.

– А ты попробуй, – развернулся к нему Мишка. – Давай, рискни. Узнаешь, как медведя на нож берут.

– Ленька! Дурак! Это ж промысловик, – взвизгнула деваха, одним могучим движением бедер задвигая приказчика обратно в подсобку.

Рассмеявшись от такой картины, Мишка вышел на улицу. Урядник, которому произошедшая сцена явно подпортила настроение, хлопнул его по плечу и, развернувшись, скомандовал:

– За мной ступай. Сейчас все купим.

Пройдя мимо нескольких лавок, он вошел в неприметный лабаз и, подойдя к прилавку, потребовал у продавца:

– Парню сервиз чайный продашь. С петухами. И учти, я из него сам чай пить буду.

Стоявший за прилавком человек, судя по одежде, очередной приказчик, молча выставил на прилавок требуемый товар и, указывая на него ладонью, только и ответил:

– Извольте, сударь.

– Сколько? – спросил Мишка, щелкая по чашкам ногтем и прислушиваясь к звуку.

– Полтора рубля, с ложками.

– Беру, – кивнул парень, доставая деньги.

Забрав тщательно упакованный товар, Мишка, вежливо поблагодарил приказчика и направился к выходу.

– Не забуду, – негромко буркнул урядник, выходя следом. – Ну, тебе еще чего надо, или домой поедешь? – повернулся он к Мишке, вытирая лицо платком.

– В лабаз оружейный еще загляну, и хватит, – вздохнул парень. – Да вы не беспокойтесь, Николай Аристархович. Дальше я уж сам как-нибудь. Дело-то знакомое. Благодарствую. Заходите вечером чай пить.

– Буду рядом, загляну, – кивнул урядник, заметно успокаиваясь. – А пока надо еще повидаться кое с кем, – прогудел он, многозначительно поглядывая в сторону лавки, где случился конфуз.

Мысленно мстительно усмехнувшись, Мишка вежливо склонил голову и поспешил к телеге, где тетке уже пытался впарить какую-то ерунду местный коробейник.

Осторожно уложив хрупкую покупку в телегу и обложив пакет соломой, Мишка повернулся к коробейнику и настороженно посмотрел на то, что рассматривала Глафира. Это были швейные иглы. На переносном лотке было много всякой мелочи, но взгляд женщины уцепился именно за них. Подойдя к тетке, Мишка осторожно развернул бумажный пакетик и, рассматривая пять игл, спросил:

– Мама Глаша, они тебе нужны?

– У меня одна осталась, и та старая, – еле слышно вздохнув, призналась женщина.

– Что просишь? – повернулся Мишка к продавцу.

– Двадцать копеек комплект, в комплекте пять игл. Сам взгляни, сударь. Две малых, две средних да большая одна. Товар добрый, заводской, не в кузне деревенской кованный.

– Два по пятнадцати возьму, – оборвал Мишка его излишняя.

– Бога побойся, выюнош! Говорю же, товар заводской, Саратовской мануфактуры. Да тут одна дорога стоит столько, что и не представить, – завопил торговец на всю площадь.

– А ты меня на горло не бери, – рыкнул в ответ парень. – Торгуешь, так торгуйся, а орать в тайге будешь. И помни, такой товар не у тебя одного есть. Так что?

– Не могу по пятнадцати, – вздохнул продавец, понизив

голос до нормального. – Вот как бог свят, не могу. По восемнадцать копеек отдам, и то себе в убыток.

– Опять врешь. Шестнадцать, и ни копейкой больше. Вон, в лавке сейчас по такой цене сам возьму. – При этом Мишка умолчал, что в лавке в комплект входило только три иглы.

– Семнадцать, и забирай, – почесав в затылке, обреченно махнул коробейник рукой.

– Уболтал, черт языкастый, – усмехнулся Мишка, отдавая тетке два пакетика с иглами и доставая из кармана мелочь.

Отсчитав оговоренное, он повернулся к тетке и, улыбнувшись, спросил:

– Может еще чего надо? Ну, спицы там для вязания или еще чего?

– Неужто можно? – растерянно спросила Глафира.

– Нужно, мама Глаша. Ты сходи в лавку да глянь, какие нужны, а потом придешь и мне скажешь, сколько штук, какие именно и сколько стоят. Я торговаться пойду.

Обрадованно кивнув, женщина моментально соскользнула с телеги и растворилась в толпе. Спустя десять минут она принеслась обратно с квадратными глазами, испуганно сообщив:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.